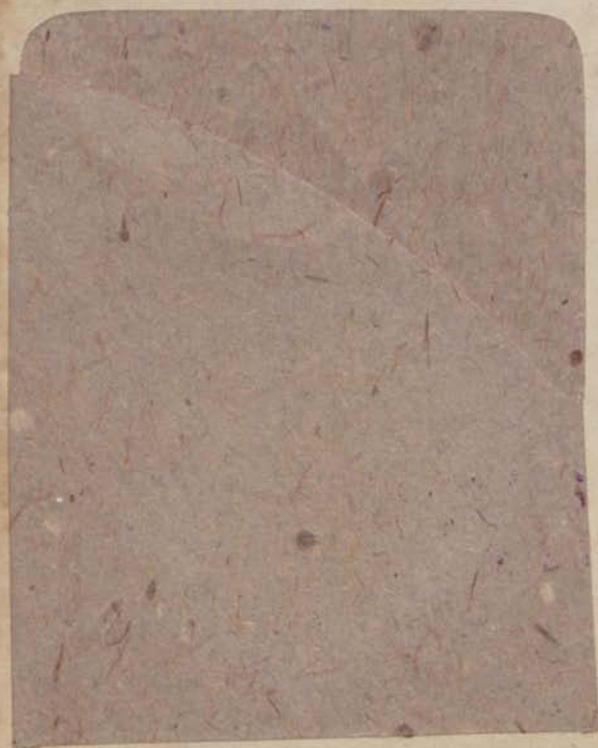

775
1705/
10

ВОДН. Р. Я.
1877 г.
М. 2.

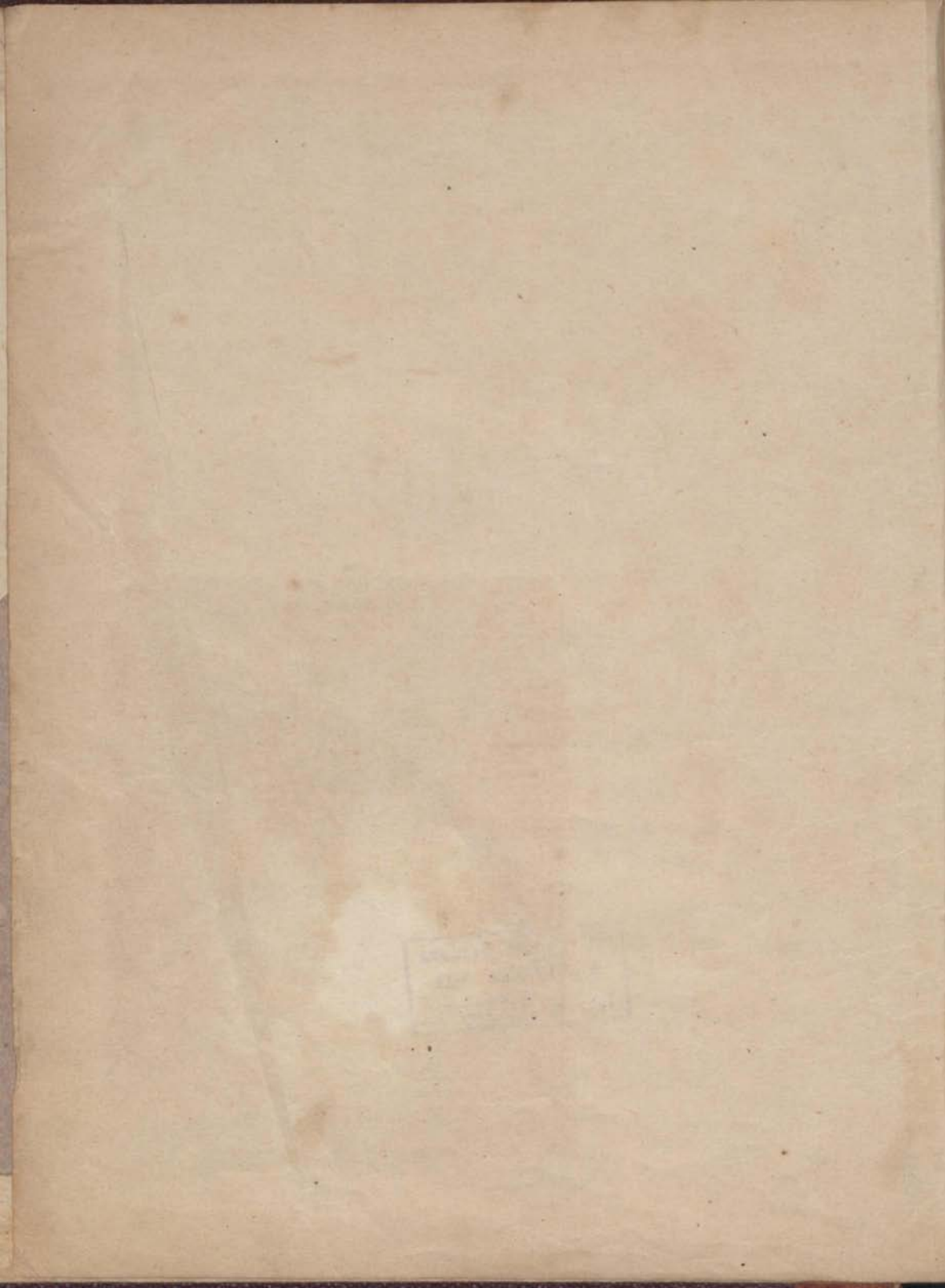
1933
21706

538

745

Центральна Наукова
Бібліотека ХДУ
Inv. № 39524

72 K
59

Омывуеице

- I, 1) Торемынскыи (Памане) Смп.
Ф. Маджера 1-21.
- 2) Дугона (смиаом)
Н. Меланухова 23-26.
- 3) Смрашмак (смиаом) (драм.)
Кма-ма 29-66
- 4) Морема (смиаом)
Хвосторыга 69-94
- 5) Дерис (смиаом)
Н. Кнума 95-99.
- 6) Думма (смиаом) (смиаом)
Н. Кнума 100-103.
- 7) Кусенаноманца (смиаом).
Мамро Кнума 103-106.
- 8) * * * Смиаоманца
Мамро Кнума 106-107.
- 9) Уоса (смиаом) (смиаом) ! (смиаом)
Дведупа Товра 107-114.
- 10) Бездананскыи (смиаом).
Н. Кнума 114-117.

11) Меллер (смп.).

Т. Смирновских 118-121.

12) Поля (смп.). Градск. 121-123.

13) Ломовое устье (смп.).

Берга-Айра 124-126.

14) Времень Луховенский (смп.).

Берга-Айра 126-128.

15) Стендальская книга о

народнаго образования

въ Россіи. Смирновских. 129-154.

16) Стасюков (смп.).

Новоиспеченный покров. 157-160.

17) Кривцова. Дрисдорфская 161-180.

18) Смертвенный вечеръ

Усвоившись 213-221.

II,

1) Космичъ Тейне (пер. съ фр.).

Бендана Сванмердаль. 181-184.

2) Мурандана (Морган-Камп.)

Переведенъ съ франц. У. Кудлауенко 185-209.

Грешный

(Романъ)

I.

Стоялъ прекрасный июльскій день. Солнце клонилось къ закату, посылалъ теплый, пріятный вѣтерекъ. Вдвигались массы сжиженных топлесей, тянувшая по бокамъ большо́й дороги еѣва займисто ковыталась; по обѣимъ сторонамъ разстилались обширные поля, желтѣвшіе отъ зрѣющей ржи и другаго злака. Кругомъ все было тихо, лишь изрѣдка нарушалось это таинственное спокойствіе шумомъ, производимымъ запоздалой птицею, сажавшею прилетѣли корни своихъ измѣнныхъ питомцевъ.

Вдали на большо́й дорогѣ шло много было разнѣхитъ черпнущей предѣлѣ, который медленнѣе посылался впередъ. Это были путники, покрытый пылью, которая отъ дѣйствіевъ вечерней росы шло много пришло къ его одеждѣ.

и лицу.

На видъ онъ былъ не больше двадцати лѣтъ, довольно высокаго роста, худощавъ, съ смуглыми щеками, съ прекрасными глазами и съ небольшими черными усами, которые придавали его лицу болѣе пріятнаго выраженіе.

Одѣтъ онъ былъ очень просто: на немъ было лѣтнее платье, на ногахъ длинныя сапоги, на головѣ соломѣнная шляпа съ большими полями, за плечами была небольшая сумка.

Онъ, какъ видно, былъ изнуренъ отъ долгого, а, можетъ быть, и отъ непривычнаго пути.

До ближайшей деревни было еще верстъ семь.

Медленно продолжая онъ свой путь, раздѣлъ вечерній просядокъ, который все напавдаются носомъ знойнаго лѣтняго дня.

Каждый горожанинъ спешитъ исполнить въ это время то, что ему предстоитъ сдѣлать днемъ, или же завтра, нередко можно видѣть въ это время старомодный экипажъ, медленно движущійся по про-

селотной дороги, изъ которой вымывывается
беззаботное лице деревенскаго обывателя,
желающего осмотреть свои поля, или,
просто на просто, сжигающего на вост-
ную пирюшку къ соседу.

Вотъ мимо проходящаго несетъ потная
кибитка, но не успевая оиъ обернуться,
какъ уже только издали слышится сла-
бое дребезжаніе колокольчика и чуть-чуть
доносятся послѣдніе звуки заунывной
пѣсни дедушки.

„Охъ, боже! разлучное счастье даи! Ты молодца!“

Вывалось со вздохомъ изъ груди путника,
„Почему бы и мнѣ не жить въ удобной кибит-
кѣ, или не наслаждаться сообществомъ род-
ной семьи, сидя въ уютной комнатѣ? Иные,
уже верно лишь всю жизнь придется сви-
таться по чужимъ и испытать все прев-
ратности судьбы!“ И при этомъ глаза
путника наполнились слезами.

Оиъ усталости у него начали подкраши-
ваться ноги, и оиъ опустился на землю

подъ ближайшими деревьями.

Уже темнело. Темная облака пересол-
дили съ мѣсто на мѣсто, и горизонтъ по
временамъ освѣщался яркою молніей,
сигналіе крѣпительнаго дневнаго жара;
внутрь начали дуть сильныя.

Во стороны послышались собачій лай, приз-
накъ близости жилья.

Пупышка это пробудило, какъ бы отъ про-
должительнаго сна: онъ всталъ и напра-
вился по тому направленію, откуда
слышался лай. И действительно, на-
вѣсивъ; предъ нимъ скоро заблестѣли
огоньки, выходящіе изъ оконъ крестьян-
скихъ избъ. Онъ (началь) приблизился къ
деревни. Она была невелика, но росло-
плотска довольно живописно. Двойной
рядъ похеранныхъ избъ, топилихъ въ
земли садовъ, тянулся по склону доль-
но значительной возвышенности, на
краю избъ виднѣлась небольшая церковь;
въ низу возвышенности протекала рѣчка;

гдѣ раздавался громкій смѣхъ и плескъ воды, купались деревенскіе дѣвушки, которыхъ, благодаря ночной тьмѣ, свободно могли выхватывать холодною влагой свои прелести, соблазняющія юный мажъ.

На другой сторонѣ ручья представляется взорамъ обширный лугъ съ благоухающей, колеблющейся отъ ветра травой, надъ нимъ носится стѣпой турманъ, вокругъ же его облеплены лѣсъ, на опушки котораго сидѣютъ яркіе костры пастуховъ, облепленныхъ табачной деревенской помадой.

Пунинскія дѣвочки, наконецъ, дошли, наклонившись на краю деревни; изъ этой отливала отъ другихъ своихъ возлюбленныхъ на границу небольшихъ крылечекъ, надъ которыми висѣла призрачная дѣсна, и тогда крашевая, съ синими и желтыми нарисовками: „Воспитанница съ номерами.“

Несильно рукою открываетъ она скрытую дверь шубы, и спрашиваетъ для себя политическое; на что, по виду,

му лозинг дома, худой, вѣтскій итмещ
 съ висящими глазами, съ рюхлыми рыже-
 ватыми бажебардами, съ наловучены-
 ными на лодъ засаженными копытами
 сдланымъ утвердительный знакъ головой
 и крикнувъ срязного мальчишку, ко-
 торый ввелъ купчиха въ указанную
 комнату. Внутренній видъ ея былъ
 весьма не привлекателенъ: она со-
 ставляла часть избы, отгороженную
 досками, по стѣнамъ и на потолкѣ
 было много грядъ, вѣтъ и паучинокъ;
 мебели состояло изъ стола, скамейки
 и двухъ деревянныхъ дивановъ, покра-
 шенъ помяну, изъ которыхъ одинъ былъ
 уже занятъ какими-то безвечно спя-
 щими господиношъ, лица котораго
 при тускломъ свѣтѣ сапанаго окаръ-
 ка нельзя было разсеити тринь.

Изъ соседней комнаты доносились

Крики пьяных посетителей и сильно
несло запахом спиртного напиться.
Утолив свой голод, путник взошел
на свободный диван, но, обладая
лишь четырьмя рублями из кошелька
и не имея впереди никаких
шансов, он, не смотря на сильную
усталость, долго не смыкнул глаз и
печалью и тоскою наполнил его сер-
дце.

Старые стальные часы с раздувающим
орехом трескают и шипящими пробили
двенадцать, и шум начался мамо по
шаму утихает.

Ворухи из-за соседней перегородки ^{дополняют} наве-
ные звуки двух голосов, наконец, слу-
ха нашего путника коснулась си-
гнущая роковая фраза: „зарплатили
одного, или же обоим?“ Неписанный
ушах овладели ими, волосы стали
дрожать, и он сперва хотел было
броситься в окно, но, увидя, что

оно закрыто, стоях, нашенх свая про
себя молчя, с минуты на минуту
ожидають появленія страшнаго хо-
зевя; но на слѣдующее утро, къ все-
общему смущенію, это обѣщаніе
тѣмъ, что содѣла сохн тованнх
между собою, удивльм обонх баролов,
мн ип тѣ.

II.

На другой день они оба просну-
лись рано.

Путники рассказали своему товарищу
о странномъ случаѣ, надъ которымъ
оромо снѣдмх. ~~Множкх~~ образомъ
быть пріобрѣтеннх первый знакомый.

Они рѣшили поспешить въ этой
деребунжкѣ еще однихъ сутки. Пробудя
срочномъ, они разоформились и перес-
казали другъ другу въ краткихъ чер-
тахъ каждыи свою исторію.

Первый начал пухляк, с которым читатель познакомился еще в предыдущей главе.

"Милый мой Леопольд!" начал он так свою историю — "официальная моя жизнь несчастливо неизвестна и доныне. Биография моих первых дней загадочно и мало известна. Я могу передать лишь только то, что мне сообщили сослуживцы г. Фризова, старик Василий, благодаря которому я и живу теперь на бродячьем свисте." При этом из груди Леопольда вырвался продолжительный вздох.

"В одно осеннее утро, сказал мне однажды старик Василий, я вышел в парк, чтобы приказать рабочим вымести дорожки, по которым каждое утро прогуливалась моя госпожа. Вдруг слух моего каснулся звук, похожий на дитяский плач, сперва я

не обратили на это вниманія, но крикъ начал усиливаться и я, наконец, ясно различил шептъ ребенка. Я бросился въ сторону, начал всматривать ближайшіе кусты и недалеко отъ дорожки нашел ребенка, полуокатаннаго вь ало отъ осенней стужи. Я взялъ ребенка и понесъ домой. Когда же соседи вѣдали, я сообщалъ имъ объ этомъ и они, выслушавъ меня, поручили уходъ за ребенкомъ моей женѣ. Долго старались узнать о родинѣ его, но все поиски остались тщетными и равно ничего нельзя было разузнать. Ребенокъ росъ, и чрезъ два года сдѣлался помненькимъ, красивенькимъ мальчугономъ. Мы его полюбили, какъ бы нашего собственнаго ребенка.

Это друга — вы, мой дорогой друг, скажите старика и этими словами окончить свое повествованіе.

Живя въ продолженіи девяти лѣтъ въ средѣ двухъ этихъ добрыхъ стариковъ, я, можно сказать не испытываю еще никакого ~~всего~~ горя.

Но вотъ настала часть моего душевнаго развитія, и господь поручилъ мнѣ для обученія губернере-птицку, и здѣсь то началъ постигать я свое одиночество и свою несчастную долю.

Хотя я, по выраженію Василия, былъ вострый малый, но все-таки, проведши первые дни дружества въ полной свободѣ, ученье мое было весьма мало, и Карлъ Карлычъ (такъ звали моего учителя) терпѣливо выслушивалъ мои сраніи и терпѣнія, подвергая меня побоямъ, оставляя безъ пиццы по цѣлымъ днямъ, что

меня не очень смутило, потому что Василий, не смотря на мое замечание в чужом, всегда находил способ, как передать мне тайком кусок вешчины и свѣтлаго хлеба.

Дети г. Фризова были очень шаловливы, вслѣдствіе чего мне так же весьма часто доставалось отъ Карла Карлыча. Затянуты-ли куда-либо его очки, спрячутъ-ли табакъ, за все должны были откупаться Леопольдъ.

У Фризовыхъ была воспитанница сиротка Анна, добрая и хорошенькая девочка. Узнавая наше одиночество мы сошлись близко и, еще будучи детьми, очень полюбились другъ другу.

Въ свободное отъ занятий время мы забирались въ отдаленный уголокъ парка, и тамъ проводили

время въ невинных дружеских заботахъ.
 Такъ мы росли вместе и привязыва-
 лись все больше и больше другъ къ другу, и
 мысль, что мы всегда будемъ неразлуч-
 ны, сдѣлалась для насъ общимъ имениемъ.
 На третій годъ моего воспитанія у
 Карла Карловича меня отправили
 въ близжайшую городскую школу.
 Разлучившись на долгое время съ Ли-
 зой, я началъ скучать, и забыть объ
 существо товарищей, въ чемъ они меня
 упрекали и смѣялись ^{надо мной} ~~съ мной~~,
 называя меня философомъ. Но не
 это только повлекло за собой разлука
 съ Лизой. Я сдѣлался отъ некотораго
 времени очень разсѣяннымъ и невни-
 мательнымъ, за что часто получалъ
 отъ своихъ наставниковъ жестокие
 удары линейкою и даже розгами.

Когда же наступают экзамены, то переходить обыкновенно в следующий класс тот, кто лучше располагает своими нарисовками в пользу наставников, и я, так-как мой почтенный воспитатель Еремичев, повременный Фризова, был человеком весьма странным в предубеждениях и не любил равно никаких пожертвований, имел только от величайших трудов добивался перевода.

Приближение к концу напугало радовало меня только тем, что я скоро увижусь с Лизой, которая от казённых разговоров становилась в моих глазах прекраснее.

Но вот, наконец, наступил день, когда я окончил училище, и весельем, молодостью юношескою явился в деревню.

Лиза уже одѣлась прекрасною въ-
солою дѣвучкою съ свѣжими бѣлыми
лицомъ и щечками, съ улыбающимися,
какъ мойское утро, губками, съ про-
хорошенькими глазками и съ почи-
ными локонами.

Но увы! уже не такъ свободно, какъ
прежде, могли мы видѣться другъ
съ другомъ: за Лизой, какъ и за дру-
гими дѣвчушками, были строгіе при-
смотры, и наши свиданія устраи-
вались украдкой, съ необыкновенными
трепетомъ и боязнью мы проводили
эти пріятныя минуты.

Я занялъ место домашняго секретаря
у г. Фризова, и въ продолженіи
трехъ лѣтъ пользовался довольно
спокойною жизнью.

Однажды я былъ удивленъ неожи-
даннымъ появленіемъ Лизы. Она

^{была} очень взволнована и съ заплаканными глазами.

На мои вопросы она съ трудомъ отвѣчала, что пріѣхавшій изъ города чиновникъ, котораго она довольно часто знаетъ вблизи, вопреки ея желаній, получилъ отъ господъ согласіе на ея руку.

Долгое время было ожидать, кровь оросилась мнѣ въ голову, и я наконецъ направился къ дому.

Здѣсь я убѣдился о нашей презимой искренней любви другъ къ другу, и неоступно требовалъ измѣнить мнѣ наипречіе.

Вся мои просьбы и доказательствъ не были услышаны, но еще для большаго удѣла меня даже удалили отъ службы.

Дома я не зналъ, что дѣлать и на что мнѣ рѣшиться, но, наконецъ, я

мня въ виду ровно никакой надежды,
я подавилъ въ души своей горе, и на
всегда простился съ теми людьми,
гдѣ я провелъ свое дѣтство и съ
тѣми людьми, которыхъ я, можетъ
быть, дорожилъ всею душою моему серд-
цу."

III.

Собесѣдникъ Леопольда, человекъ не
болѣе тридцати пяти лѣтъ, низкаго
роста, довольно крѣпкаго тѣло сло-
женія, съ черными волосами, небольшою
бородой, внимательно слушающъ
разсказы, стараясь не пропустить
ни одного слова. По окончаніи разска-
зовъ началъ утѣшать Леопольда,
говоря, что не только онъ одинокъ
такой несчастный, но что гораздо
болѣе подобныя ему, чѣмъ несчастны.

цель, и что он сам был некогда
богат, но, оставшись очень мало думая,
носил смерни пропитаний, он не
несчастно сошелся с дурными друз-
ями, пристрастился к картам и
и, в короткое время расточив все
свое состояние, в одно прекрасное
утро проснулся без пріюта и
без всяких средств. В заключение
он предложил Леопольду вместе
искать счастья и пріюта.

Вспомни доверившись словам Ру-
кавола, (так назвал себя спутник
Леопольда) он решился вместе
с ним отправиться в путь.

На следующий день они оба встали
очень рано, разогнали с лошадиной
и, вышедши на большую дорогу,
направились в ту сторону, в кото-

рую два дня тому назад шел Леопольд.
 Он смотря на невыносимый жар, они
 почти в продолжении целого дня про-
 должали путь; но уж вечер: они пришли
 к проселочной дорожке, и Рукавова
 сказал, что они должны направиться
 по ней, так-как вблизи находится
 богатое поместье, где, по его словам,
 можно было найти соответствующую
 пищу и одежду.

Леопольд, не подозревая ничего дурного,
 согласился и на это, и они свернули
 с большой дороги.

Войдя в маленький, и довольно при-
 вольно прохладой; деревня, между
 которыми лежал их путь, бро-
 сали единственные итты.

Уже начало темнеть, но не было вид-
 но никакого признака близости деревни.
 Лес становился все чаще и чаще;

и Леопольд начал уже робко опира-
ваться на ступенчатый, но его спут-
ники уверяли, что это порога еще
хорошо известна и что не боясь,
как часа чрез два они придут в
деревню.

Когда они прошли еще версты три,
Дукавови предложили для сокращения
пути направиться чрез лес, ут-
верждая, что таким образом они
гораздо раньше достигнут места
назначения.

Лес в этом месте был до того
густ, что они едва могли
моими прокладывать себе дорогу.

Не успели они пройти одной вер-
сты, или даже еще меньше, как
вдруг на величайшее удивление
Леопольда Дукавови громко свист-
нул; тотчас во всем раздался

подробный свистокъ, послышался трескъ
судовъ въ тѣхъ и четыре оруженныя молод-
ца не замедлили явиться къ нимъ.

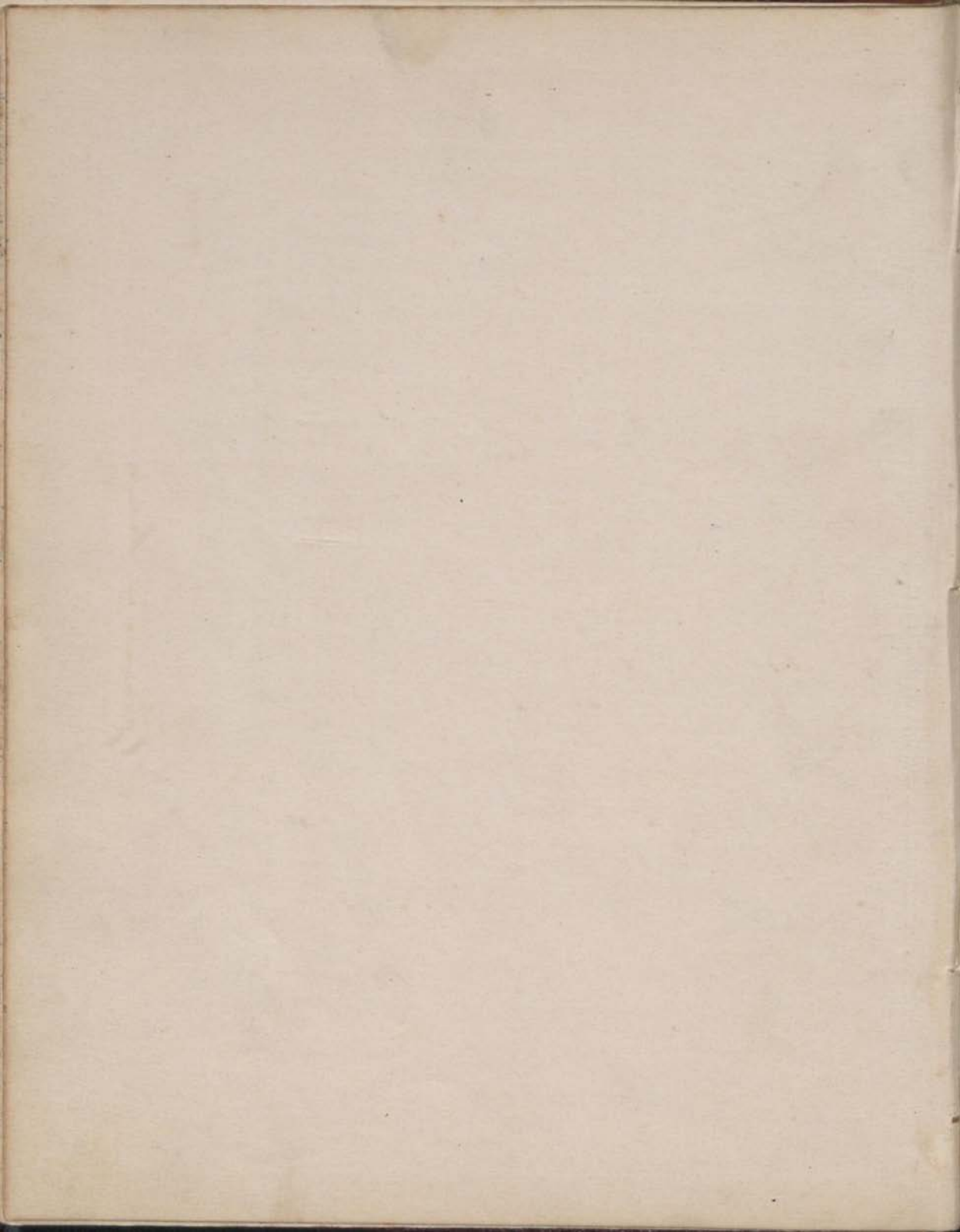
Верся только понявъ Леопольдъ, что
добріе завлекло его въ просакъ и что
его спутники бесомыслино были охвачены
изъ шайки разбойниковъ.

Ф. Мардусъ.

(Продолжение в англ. яз. А)

St. Guennant no. 101.

Смерть Дидана.

Уже давно приятный день
У Кароагениских берегов
С высот небес съезжает.

Но ищет сладкий, хрупкий сон
Еще Дидана поживает;

В ту ночь она сидела поздно
Молвила тайною тоской,
Не поднимала даго, даго
Постели мягкой покров.

Но вот Дидана пробудилась,
С кровати встала в знойной,
Воспла безсмертным помошася,
И вышла вон, в покой другой.

В нем в сарай ветхих она нашла
Старинный Миринских и виллус,
Но немощный видно там

Принималъ въ домъ своихъ смирныхъ мнуж;

На тронъ знатой она возведена,

Сокровищъ воиленіе въ груди,

Но сажает се Дмитръ дохтурный,
Неспособой отрасти любви.

Ко брегу шоры посылает

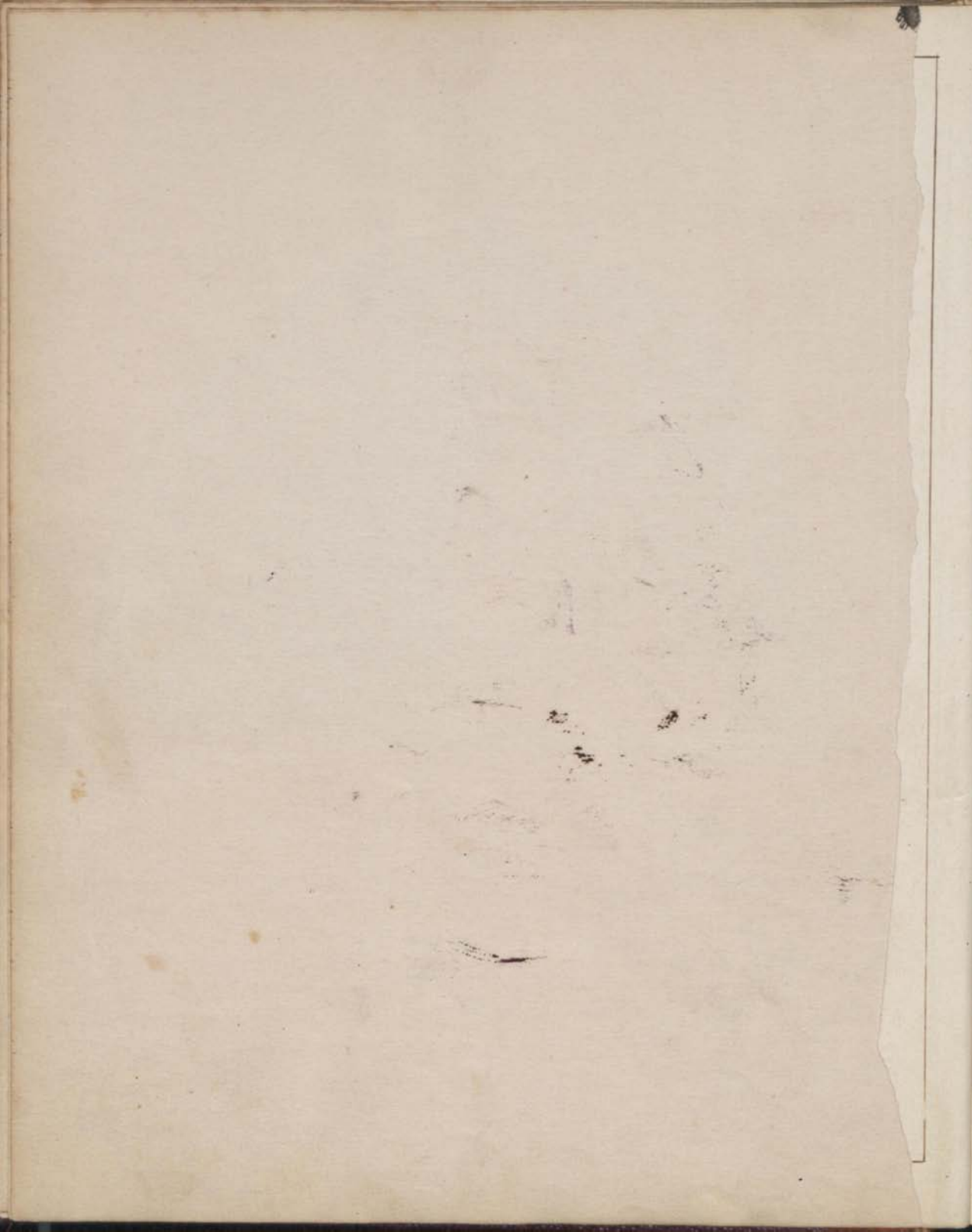
Своих дружинниковъ она,
 Въ себя Днеу пригласяетъ,
 Надеждой тиретною полна:
 Мудра Миринцы пригласяетъ,
 Но чрезъ пригласяеца не учу,
 Костры одни лишь догорели,
 Оставленные на брею.
 Ногою Троюи, тиха вставши,
 Покинуша гостеприимной кровъ,
 И, бѣны поручи подновши,
 Гнали себя съ Миринскихъ береговъ.
 Махуо вѣстѣ Дидана слыша,
 Въ воененоу бросила свой мечъ,
 Молится о помощи божественной свине,
 Бундана бросается на брею.
 Не находя нигде Днеу,
 Миринцевъ въдеи вая краса,
 Но нещ тоскуи, унываетъ,
 Какъ она тенью восхотѣла свѣта.
 Печальна путь свой продолчаеъ,
 Въ отрабнѣи гонима его,
 И тоскою сѣю отрабаетъ
 Воями на охижи ея.

Вотъ къ безднѣ страшно цетрещиася,
 Тогда просится въ нее,
 Но смерти грозной цетрашиася
 И томится отъ когита прокъ.
 Въ славный городъ свой приходитъ,
 Къ себѣ созываетъ мѣдъ свой весь
 И на площади рабовъ
 Свои богатства вешать несть.
 Не знавъ замысла шихаго,
 Мирійцы цетрещитъ хотѣтъ
 Своихъ царя и могаиловъ
 И богаты къ тому все спешатъ.
 Устранивъ изъ вѣдъ когитъ,
 На мѣдъ богатства полагаломъ;
 Дядюна оицъ своего князя
 Богаты ихъ въ смерти посылаломъ;
 Ирецы когитъ все подвешиваломъ.
 Мирійцы могаиловъ богаты
 И попоманъ бланзениковъ
 Къ Мирійскимъ славнымъ берегамъ.
 Могаиловъ займѣ такъ были
 Что прощали тотъ могаиловъ,
 Когда царя ихъ рѣшиася
 На вѣкъ оставитъ этотъ свѣтъ.

Раздаётся обшій восторг, по поводу:
 Членъ Дубову открывшимъ
 И разбивающъ грохно, грохно
 Послѣднимъ чувствъ селеннымъ.

П. Мелникова

Эпиграф.
 „Надъ совершеннымъ полускри-
 колоидъ
 Колпакъ дружкий!...“
 Гейзе „Смерка.“

„Странная местъ.“

Драматическое представленье въ 3-хъ дѣйствіяхъ
 съ шлоуцѣмъ, пѣснями, танцами, величавыми оз-
 нани и проч. и проч.

(Посвящается Цариградскимъ добровольцамъ.)
 Дѣйствіе 1-е. Макамуръ.

Дѣйствующія лица:

Ксенофонтъ, маститый литераторъ; куритъ крѣткія
 папирасы; истиваетъ; говоритъ высокимъ
 штилемъ à la Ломоносовъ.

Г-нъ Н. Н. } тайная личность; не литераторъ.
 Г-нъ Р. Р. }

Дѣйствіе происходитъ въ Богославскомъ градѣ N.*

(12 часовъ ночи. Кадилетъ Ксенофонта. Мрачная Колпаката. У
 окна стоить на двухъ ногахъ; передъ нимъ продавецъ сигаръ.
 На столѣ саблѣй огаракъ въ бутылкѣ, крѣткія папирасы,
 колбаскѣ, тѣмъ десней булгачи, двѣ баночки красной чернилъ
 и много множество усилковъ перьевъ. На полу шидъ лу-
 зен чернилъ, шидъ фекатичная булгача и шуроченная перья.
 Повсюду безпорядокъ. Ксенофонтъ сидитъ за столомъ и
 пишеть. Село его омуракаетъ край шидъ. Сидитъ скрѣпъ
 пера и скрежетъ зубовой.)

Явление 1^е

Ксенофонтъ, одинъ.

Ксенофонтъ (переставъ писарь)

Ору!.. Далеко поты прошидъ! (а поты сие и строчки)
 Мотъ, видно просидѣвъ привстал шитъ съ поты почки
 Умодъ одичившъ село несчастнаго писца,
 Еретика и магнеца...

Вздъ державы какова! Забывши старинныя властвы,
 Оръ написавъ насквѣвъ и надружалъ властвы
 Надъ много стариками, журналистъ ветерановъ...
 Мотъ дудки! Надо много медъ свѣдѣлъ равно!
 Какъ урѣ сегодня и завтраку десертъ бумаги,
 За то какъ латини! — не одѣтъ отъ лави
 Писать другой насквѣвъ, —
 Пускавъ въ глаза всѣмъ павъ!

(Обращаясь къ думцамъ.) Но что, скажи ты мотъ, сие все думается:
 Что головы мои никакъ не возмужаетъ
 Ни строчки, въ коей хоты таинствъ какия анноту
 А я ли не сужу, не думаю, не мнѣю?!

О некторъ, выручай —
 Хоты отъ лави дай! (Тѣмъ.)

Мотъ, мотъ задалъ такую важность въ прессѣ,
 Всѣ пишутъ о властвѣ, о насласу, о прогрессѣ,
 Кричатъ, идемъ впередъ! и
 Рѣдъ, шумливый народъ!

Ей-богу — Рѣдъ и властвы — и всѣхъ въ министерствѣ,
 Крашенинниковъ и аттешниковъ
 Удалъ приказъ въ сорсѣ,
 А всѣхъ маинишниковъ — стѣв...

Надѣрно урѣ тогда въ молчаніи мидерманн,
 О насласу трудишь не свѣли-во журналист!

Вздъ насласу — сужу? вредъ,
 Одинъ журналистический вредъ!

Пословица у насъ не воравъ на Руси

Слажмась: „Мужь цуды твое саръ не вайноси.“

Положмсь, что хочу я писаче, получмсь?
Медуръ-то о снмъ весь городъ дописмсь газетъ?
Положмсь, а кого-нибудь, похорошмсь,
Гидъ, урмъ тебя журмалъ злобредмалъ обвинмсь...

А что подмсмсь? — мнмъ мочмсь мнмъ — о горе! —
Во грудъ вил, ватмсь, О термоча, о морс!..

И вотъ сей вольности достойные плоды:
Новом сержаном, ученом труды
Не дасть какъ вчера, въ мабмшеской журмалъ
Такъ мержостно и злостно обругамсь,
Что я вилъ снмъ того, чмодъ снмъ —
Мнмъ дописмсь отмътамсь!

(Заммчмсь подъ снмъ.)

О сколько термдмъ я за вечеръ сей цудмсь!
(Всдъ цуды у мнмъ получмсь, снмъ у крмсь —
Какъ жамсь, что въ крмшмхъ оми не приммшмсь:
Я до-смерти загрмсь Отмъткина въ мнмъ!)

Отмъткинмсь! погоди! заммчмсь тмъ за это,
Какъ завтра поммшмсь мого стамбмъ газетъ!
Зарамъ снмъ — тмъ, чмъ намъ догъ цудмсь,
Урмъ снмъ снмъ, **гофонмсь**, рессамъ!..
И явмсь кх мнмъ въ повмшмю головъ —
И мнмъ-то вдовмсь я наммшмсь надъ мовмъ!!!
Тмда — о это я снмъ вдовмсь замъ!
Скам мнмъ втмъ мавровм снмъ замъ!..

О снмъ въ снмъ случмсь завтра такъ!.. —

О вдовмшм мнмъ, **Ворсественмъ Кормъмъ!** (Замъ.)

Вотъ мнмъ говормсь, что будмъ-въ Оммра,
Байрдма, Ммммра и Тммм, и Млксмшм
Какъ-то тамъ Музы вдовмшмми,
Что подъ диктовку Мужъ постои въ рессамъ —

Ей доу-ерурда!!
Всё съ опи, когда

Готовились писать стихи, или прозу,
Глотали кобылку горькогорную возу;
Потомъ, когда урбъ дитиль или раздраилъ,
Мно карбонъ, что въ ващуку прищеловъ ему, писалъ...
И такъ не лево-ль майъ (и это не сощелитъ,
А еще меньше сибирской параллелинъ):
Что вѣтъ творивилъ или обзавѣтъ свѣтъ кошу?
Не кобылку ли? Да! единственно ему!!!
Махъ дудиль все кобылкѣ едилъ утомивилъ
И вѣтъ въ „дѣл“, „лили“ стилили ему писать!

(Писать.)

Но если и сѣл стамбу или не удастся??
Что если сѣл маму въ все дудиль удовлетвѣтъ!?

Стамбу писать,
Листы маму...
~~Листы маму...~~
И дудиль маму
Отвѣтъ писать,
Провергать,
Его ругать
Придетъ или!?!.

Если она вражда
Не утихаетъ — тогда...

А р и я. (на мотивъ изъ „Гугенотовъ“)

Картузонъ табаку
И вѣрою кобылку
А килеу, что
Что съ сѣмъ подлежитъ
Я свои кулаки
Работу.
Это средство вѣрнѣе
И короче — ей-ей! —
Еще моя
Безконечной дилеммы
И полна дилеммы
Вас стѣнѣ...

Будетъ даго змать оиъ,
 Какъ симиъ Ксенофонтъ
 Кулакаиъ!..
 Ну да это все... пустъ...
 А теперь уоузуеъ
 Котылакоиъ...
 (Гбенъ)

Актъ II.

Ксенофонтъ, X.X и P.P. (Появляются съ дверей. Оба въ дорожкахъ, безъ галстукъ, съ папиросами въ зубахъ; идутъ на затылки.)

X.X. (Подходя къ Ксенофонту и прѣменно упикиваетъ)

Взвораи, а тоиъко съ бала..
 Ну уоръ, приуауа, покупишь —
 Безъ маиъ двадцати три рокала
 „Матто-Бурсонъ“ а проиотишь!

P.P. (Шикал еи.)

Какъ у тебѣ кваталъ дуку
 Кести такую ерунду:
 Вѣдь миъ тили одну сивуку —
 И то каку-то дуруду...

X.X. (Мокрициморски поимотрѣвъ на него)

Да, оренъ, оренъ было мило...
 Мауиъ Мунатофъ а видалъ —
 Она, предстваъ себѣ спросила,
 Зартъиъ тои не прииалъ на байъ.

Она къ тебѣ на равнодуиъна,
 Все говоритъ „Тѣхъ Ксенофонтъ?...“
 Милъ безъ него на байъ скучно...
 Какой оиъ душка, кунидонъ!...“

Р.Р. (толкая его)

Помилуйте, дружок! Вот ты же слова
За целый день с ней не скажешь!...

А.А. (в сторону, с досадой)

Где! Много видать урбасов оловянных,
Да вот такого не видать!

(Ксерофонту)

Да ты сердитый... ты что-то пишешь,
О ми аписе, ксерофонт!

Послушай - дроби!.. урбасов много... слышишь? (Молчанье)

(в сторону)

Урбас с ушами слышит оловянные?!

Ксерофонт (раздражённо)

Послушай, убрался к сорту!

Вот было у меня такого сорта,
Что если бы даже мука была стала -
Навстречу бы она писала бы по бумаге!

(Но правда, я всегда за это

Люблю зиму любить года:

Пускай зиму природы само считает,
Но насъ зимнего мухи не кусают.)

Покажется ты сюда не приходил,

Я урбасов почти советью уверю в том,

Что было у меня пошло на ладъ -

И этому я такъ былъ радъ,

Что въ продолжении сам пишу

Ни капли не осталось вонючести - (показывает на бутылку)

Но ты пришел с некой болтовней,

И слова все пошло, какъ прежде, дружок,

Коня стучала объ стволу садовой!..

А.А. (в сторону)

Вонъ сего онъ говоритъ

Эту чепуху:

Вот не муха пролетитъ
Словко коняку!

(Космополитизм съ приличной улыбкой)

Это все... Конечно такъ...
 Только это въ толкѣ...
 Я не могу понять никакъ,
 Чтобъ идиотъ о комъ...

Космополитизмъ (съ горечью)

О лучше въ томъ нравѣхъ ищущихъ утѣхъ, (Н.Х. отъ себя самого)
 Чѣмъ зрѣть, какъ въ наши дни великія творения
 Публично выставлены на позоръ
 Какъ быль? идеалъ... воръ!..

Возьми се - не прибавь названья -
 Минимизмъ, максимизмъ, паранья,
 Тьма - на первой же страницѣ
 Намъ вскрываетъ пороки, подобно лопоту лавы...

Н.Х. (Брошюра)

А н и м

О Боги, великие,
 Вы иже обличили,
 Но иже поскорѣй:
 Хоть я и читаю,
 Но не понимаю
 Мнѣ же - хоть убей!
 Я вижу и строчки,
 Я вижу и точки
 Страницы, слова,
 Да вотъ затрудненье
 Не могу я понять
 Почему слова!
 Хоть, правда, я знаю,
 Что много читаю, -
 Но вотъ для годка,
 Какъ я въ дѣлѣ медлю
 (Вы вѣрите или-ли?)
 Прочти, "Горбушка"!

Мѣтъ, это что-то такое...
 Этого я не пойму...
 Моему дѣлу было другое,
 Какъ статься дайъ я силу.

(Отдѣленіе, Литературное Заглавіе "Р.Р.")

(Ксенаронту, указывая на Р.Р. и пріятно улыбаясь.)

Онъ вѣдь читаетъ газеты,
 Въ книгахъ прозорливъ, какъ... кротъ;
 Спросишь нашей земли ты,
 Онъ тебѣ все перечесть:

Сколько въ Россіи грандъбароновъ;
 Сколько фрейтаговъ, судовъ;
 Гвардіи, кавалергардовъ;
 Сколько лошадей, ословъ;

Сколько министровъ и... тушечекъ;
 Сколько духовныхъ, поповъ;
 Сколько въ контактъ полчищекъ;
 Сколько народа головъ;

Сколько прихода, распада;
 Сколько земли; орденковъ;
 Сколько привора и ввора;
 Сколько собакъ и кучковъ;

Сколько у насъ арестантовъ;
 Сколько въ столицѣ дворяновъ;
 А у каждаго акселбантовъ
 И на гербѣхъ ихъ орловъ.

Знаетъ чины онъ и званья;
 Знаетъ цѣла всякъ значковъ, —
 (Даже полковъ всякъ названья
 Онъ переписывъ сонновъ.)

Калѣны, поганые солдатовъ,
 Преддѣлѣній, полкеровъ;
 Споры миссий — депутативъ
 Отъ иностранныхъ дворовъ;

Или въ судахъ и селатъ,
Длинные ряды прений и „слово“
Въ той-ли, другой-ли палатъ,
И настроенье умовъ...

Даже какъ много у русскихъ
Влохъ, таракановъ, клоповъ...
(Охъ! какъ же топишешь отъ закуски
Итмихъ прохлывовъ Валдовъ!..)

Р.Р./Противавъ, въ раздублинъ/

Да и действительно, когда-то во дни отны
Либерализма въ утасавъ:
И о министровъ написавъ!!!
(Комъ востанки мотавъ, спускивши панталонны)*)
(Вотъ въ утасавъ)

Тогда весь городъ Х* приицелъ въ Волосеве:
Вотъ головы были въ огнѣ...
И надо же еще было мнѣ
Нарочно написать такое сочиненье!!

Ну а теперь... я выдохся немного...
Комъ статью я эту прочитавъ,
Но нигде-ей вочу! — не поидѣй-
такая свививосувъ и непонимувосув слова!

Ксенюфронтовъ (порывисто)

Достойный другъ! позволъ тебѣ отвѣду...
Увои! я самъ сего никакъ не могъ поидѣу...
(Конечно потому, что эта галлимихъ ухъ
Ухъ черевъ-ухъ нухъ для моего поидѣу...)
Но въ понимании твоемъ надобности нѣтъ:
Вотъ я не далъ того твоему „слу“ отвѣтѣ,
Умоу разовравъ его статью,
Комъ даже такъ, какъ онъ мого...

*) Вистено 2^е послѣднее счисленіе мотено
... Комъ ратеръ мой за то меня и поствкавъ,
Спускивши предварительны въ тѣннотъ панталонны!

Когда я покажу Отвѣтнику свой тѣло!!

Х.Х. (принято условлено)

А р и я.

Много сибиряка на свѣтѣ:
Силой много есть въ немѣ,
Но сибирякъ кулакѣ! —

Мѣнь, напрасно говорилъ,
Это рекреативъ mobile

Не найдутъ нѣканѣ!

Онъ приводитъ все въ движение,
Исправляетъ поведеніе

Силой придаетъ.

Онъ даетъ порядокъ краю
(я глубоко презираю

Всѣхъ тѣхъ, кто не знаетъ.)

Онъ одинъ властителемъ свѣта —
Не понимаетъ лишь только это

Можетъ, кто безумковъ:

Чтобъ, скажете, въ мнѣ были,
Если только въ не были

Машинѣ дураковъ?

И тѣмъ въ сѣтѣхъ Минимъ
Безопаснѣе и тише

Лучше въ — вотъ такъ! (хорошо)

Хотѣю я и не знаю

И стану не поминать,

Все же онъ дуракъ!

Всегофонтѣ (улыбка)

Увы! я самъ подумываю оъ этомъ,
Но что подвластно съ камризиоми свѣтлою?!

Не помню, гдѣ, когда

(ну, словомъ — найду въ да!)

Мое великое рекреативъ mobile

Указавъ очень строгимъ отивнымъ...

И упрѣ кулакѣ — сіе мнѣ погрѣшилъ терпимъ —

Нудно... да... советный не приличный.
(но впрочем и мордобитие этой стёрло
до сучка оставил в в резерв.)

Н.Н. (Простите ушибаю)
И это все, дай-то жить, господа,
Прогресс навёл?

Ксенюхонин.

Да!...

Р.Р.

Ну как вы не советно так заблуждавая,
Давать пустяки правды всё!..
Да станет ли этот прогресс замечаться,
И будто бы это прогресс?

(Поёт)

Прогресс что такое?
Что это прогресс?
Что-то так... пустое...
Современный всё!

Прогресс — "Belle Helén'a"
И графский врак;
Всё светит глаза сцена,
Но засценный врак;

Одод в замке Клуба,
Вам посёт него;
Прогресс — пушка Кругла
И ружье Улассо;

Прогресс — шивотинга;
Ма замка Камкал;
Платя в два аршина;
Новый чин, шь сам;

Новые матерьялы;
 Руготамы журналистовъ —
 Преполомленные парвенъ
 Quasi-либераловъ;

Прогрессовъ — шудяице...
 Ну, хоть въ адвокатовъ;
 Роскошь въ бездѣльи
 И народъ въ затлапалѣ;

Новый покровъ платяна;
 Овизъ „солдатушкинъ“;
 И — похвѣ сказати я —
 Ск... славный классицизмъ;

Новый газетон
 Съ старшинъ направленийъ —
 (Старинки одѣты
 „Новинъ покаянствѣ“)

Все благополучно,
 Все идетъ на ладъ:
 Шагъ впередъ лишь нужно —
 Два шага назадъ!

И хоть вышшекаетъ
 Очень быстро модъ —
 За то процветаетъ
 Славно „касса ссудъ“!

Вонъ гдѣ суть прогресса,
 А не миссизизмъ,
 Не вонъ эта пресса,
 Не либерализмъ!

(общее одобрение.)

Р.Р., Н.Н. и Ксенофонтъ.

М р и о.

И такъ будишь совокупно,
Всѣ ругаешь крупно, крупно
Отправивъ да въ „есо“!
Если орѣ это не поморетъ,
Дать „аму“, аадъность, амосетъ
Каждый и того! (хасетъ.)

Ксенофонтъ.

Теперь доверши въ килтъву да въ,
Бывъ крѣпкими въ бою,
Передъ врагомъ не отступай
Въ „криттику“ мою!

* * *

Слышалъ я, какъ рыцари килтъву давали
Гену-либуръ въ бронеи да въ...
Либъ паву на щипахъ свои охи килтъ,
И урѣ не могли сдѣлать.

* * *

Но какъ теперь либуръ достать
Такой „хельдской полосы“,
Положивъ, чтобы килтъву да въ,
Дружъ другу паву на носы!

(Всѣ хватанутъ другъ друга за носъ.)

Р-и-и-а-и-и.

Килтъва

Всѣ.

Проще къ врагу содѣлать!!—

Ахъ одно мизенбе, мизенбе
 Пусть въсплываетъ въ груди!!
 Basta!.. лопнуло терпѣнье,
 Изъ насъ всемилось изступленіе —
 Погоди, о, погоди!!!

И ужасное отъ мизенбе
 За такое преступленіе
 Мои узники въпередъ!
 Погоди, о, погоди!!!!!!

(Занавѣсъ.)

Конечъ 1го дѣйствія.

Дѣйствіе 2^е. Мерзвинце нѣкое.

Дѣйствующія лица.

Миня Отмѣтчикинъ, продажная Россия; дурагомакъ —
 неумаскаетъ старинный.

Нѣкто, чейто-то знаетъ благоумѣренности.

Подзатмѣтчиковъ, квартальный, нисколько; усерденъ на сущ-
 ствѣ; рассказываетъ подзатмѣтки и крѣпкіе слова; видѣ
 имѣетъ благообразный, полицейской осовѣ проминистру-
 ции.

Литераторы, псевдо-литераторы, не литераторы и прох.;
 полицейская власть, будочники и прох. и прох.

(Комната Отмѣтчикина. Дѣл кровати — на ней разлосерены листы
 бумаги. Стоитъ съ кучами бумажекъ. Стоитъ (на листѣ бумаги) Сун-
 дукъ, изъ котораго высушивается бумага. Вѣкарь съ бумагами.
 Къ потолку притисненъ свѣтъ бумаги. Но стѣнный листы
 бумаги, и — о ужасъ!! — нѣтъ образовъ. На полу бумага. На ок-
 нахъ занавѣсы изъ бумаги. Отмѣтчикинъ стоитъ у окна; изъ
 кармановъ у него вымывается бумага. Изъ рукавъ онъ дер-
 житъ бумагу.)

Алексей 1^й

Отшельник и Мстислав.

Отшельник (меланхолически переселяясь в-
машу)

Такъ много?... Ну, пусть себя и минута...
Меня онъ нѣтъ не удивитъ —
Ругательство много критикъ слышу,
Когда кому-нибудь не вѣстуетъ!

Въ своей счастливой горюхѣ шепотомъ
И Ксенофонтъ поплакалъ,
Такъ не естественного, похвально,
Чтобъ онъ меня не обругалъ.

Чужакъ! Характеръ городского
Онъ одушевленъ тысячу желаній,
Хоть въ стѣнѣ своей тоскою
Онъ лишь себя обрисовалъ...

Мстислав.

Все это такъ... Но какъ-то незаметно
Улыбка плещадного вранья;
А лишь отлетѣвъ нѣтъ ему обратно —
Онъ не моргнувши, съдушитъ и въ похвалъ!

Отшельникъ.

Въ „похвалъ“?! Ахъ, что за метафора!
А авторъ ахъ кто? — Малтрин, Ксенофонтъ!
Вѣдь люди лишь ему подобнаго раздора
Пускаютъ такой „вонь-тонь“.

А знаю, что посредство этихъ выражений
Онъ хочетъ всѣхъ со мной оруженными борбу —
Остатокъ правды презрѣвъ похвально,
Когда оруженными критики палубу

Орудия друзей заботили:

„Салазки“, „снаниз“ и шалки...

Да только упрѣ метаръ едва-ли

Отпущенные такие дураки,
 Имел на них всеманье обреченный!..

Нѣкто.

Меня касаться, что судить о немъ все этого,
 Умаре — думать, что онъ шутъ,
 А между темъ онъ говоритъ много,
 Что онъ хотя въ старости и грубъ
 За то какъ мнѣ и вторымъ дана!
 Особливо какъ любитъ романа!..
 Мнѣ онъ все въ разъ души
 И на рукахъ чутъ-чутъ не поспитъ
 И часто, на словъ грехи
 Кутитъ ромъ, ему подмываетъ.
 Тогда ужъ уснѣ его мечетъ
 Въ «слаще сахару и меду»,
 Все молча слушаетъ — и вотъ
 Хоть нѣтъ еще толку и воды,
 Какъ онъ въ мнѣ городокъ привидѣтъ,
 Но мнѣ все такъ извѣстно...

Отмѣтчикъ (перевивая)

Что изъ мерзвъ мнѣ ромъ
 Въ не смакаю, а ведромъ!..

Нѣкто.

Ну, ваша острота, проучавая, прохвата,
 Какъ въ остротѣ извѣстныхъ газетъ...
 Нѣтъ, ваша брава сама въ мойъ бурлатна,
 Что журналистку ругаетъ чужой светъ!

Вотъ мы къ каму онъ ласъ нѣтъ глаголетъ,
 И въ готовой все и въ брашнѣ...
 Не шутитъ, какою, запомнишь извѣстие,
 Что «живи въ сѣркане по сѣркану надо быть»!

Отмѣтчикъ.

Ахъ

Мнѣ за ротъ мой въ смазку

Нашими обзавастись!..
 Ну, и пусть себя разгадают—
 Ахё!

Но может наши и быть таковы,
 Чтоб за подлости слышали
 И до себя возносили
 „Ахё“!!

Может быть, наши суды и строго,
 Но приносимы голубы много,
 Которые чисты и наши все плохо—
 Охё!!!

Суды и отмены наши круги!
 Ваше царство миссия—
 Это все наши достиженья!
 Ухё!!!!

Вы не судите! — этого суды—
 Приусахь вашего разсудка...
 Скоро будут у нас криквы—
 Ахё!!!!

Нѣкто

Ну, ухё это все того...
 Серёжа край перекаланим...
 Какъ все скоро насъ поведем!..
 То, го, го, го! го, го, го, го!!

Мы пойдём в нитеро!
 Криквы... подлости... повода!—
 Это все наши бреды!
 То, го, го, го! го, го, го, го!!

Съ нашими усильями,
 Да съ такими Криквями
 Ей-же-богу, всё
 Ваши советны не чужда
 Ужъ граничу разсудка
 Скоро улетитъ!

~~~~~

Август 2^й.

Море и искалбко императоровъ, псевдо-императоровъ
и собствѣнъ не императоровъ (вѣдано на сцену.)

1^й императоръ.

Ну, вась, Отмѣткинъ, дружки!

2^й императоръ.

Да, Ксеногессинъ вась обругай!

3^й имп.

Не урѣ. то вы не охидали?..

Отмѣткинъ.

О нѣтъ! Конечно, охидай!

4^й имп.

Онъ обругай вась чувдѣхонъ...

5^й имп.

Презамѣхателъный мурзилъ...

6^й имп.

Чтобъ одѣнъ вась обругалъ...

2^й имп.

Названъ мерзавицъ, подлицо!

Отмѣткинъ (видимо робко.)

Позвольте... да не вѣтъ же разошъ...

3^й имп. (не слыша.)

Оралиутаномъ обругай...

4^й имп.

Смотрите, чтобы онъ вась часомъ...

Нѣкто.

Какой скандалъ! какой скандалъ!

(Сидитъ вѣдъ первую показавшася шлангу и незаметно
успокоиваетъ.)

Август 3^й.

Море, крайтъ Нѣкто.

Отмѣткинъ.

Да вѣтъ же вы опять-же читали?

Вотъ что.

Внѣмѣ.

2^й мѣм.

Я не читаю хотѣ, но слышалъ...

4^й мѣм.

Миръ ссоромой передавали...

5^й мѣм.

А миръ такъ Ксенофонтъ читалъ!..

Отвѣтъ Ксенофонтъ.

Такъ онъ читалъ даи?.. ну и что же?..

5^й мѣм.

Зака для въ кентермбро читалъ!..

И обѣщавъ даи даи по розрѣ...

Отвѣтъ Ксенофонтъ (къ ссоромой)

Благодарю, — не ожидаю!

Не императоръ (Отвѣтъ Ксенофонтъ)

Если Ксенофонтъ по розрѣ
Обѣщавъ даи Мина даи —
Сохраня даи правды Боже,
Это нидудъ о немъ писавъ!

Малый онъ въ не вершковый —
Въ-какой кулакъ!..
И поидеете легко въ
Такъ... ни за пятакъ!..

Отвѣтъ Ксенофонтъ (къ ссоромой)

Апрѣ.

О, Богу разума я про эту статью —
Оскорбленъ онъ мнѣ, лесъ мой родъ, лесъ мой! —
Не воровъ я его грозный латон...

(Не вудам — ни даи мой мнѣмѣмѣ)

Мнѣ, я знаю, что все это вудуика, латон...
(Мбру! никакъ не найдю тѣмъ своимъ я Ксенофонтъ!)

Я не вѣрю, что-то такъ старья прѣда —
 Это горюхъ знаеуь чинъ! (Тѣ же шуба?)
 Это-то ругань-ба такъ моетъ этотъ добрый старикъ,
 (Соретъ, гив кто заманиуь гдѣ-то кроватъ мой баилъ-мѣ?)
 Это-то онъ такъ лодитъ драку, свалку!
 (Одоложите-ка, мотъ ващу палку!)
 (Вздвгнѣтъ)

Явление 4.^е

Мѣрѣ въ Омиоткина.

(Тихой говорѣ... Неуловимо откуда подлиннотѣ на снотъ дуги-
 тинки, полумотѣ, следка, соление оуруцы. Вседуще утѣ-
 ление глѣда и дракѣ. Примуотвгнѣ-роуцѣ распологаются на
 кроватѣ и столѣ въ самѣхъ дивотиснѣхъ позѣхъ. Слы-
 шитѣ чалканье и икота. Въ оркестрѣ музыка: „Разде-
 ралѣ сришѣа голова.“)

Всѣмъ хорѣ.

Вакѣ! Иной!!
 Нектарѣ мой,
 Ину глазу,
 Это отвалу
 Въ сердце-лѣнѣ,
 Лей намѣ съ ротѣ!
 Наши лица,
 Какъ зарница,
 Пусть блеснетѣ;
 А намѣ взглядѣ
 Иосебе,
 Отвѣсѣ
 Вырастетѣ;
 Расцвѣтаетѣ
 Пусть намѣ мотъ,
 Могно роуѣ
 Цѣтѣ душѣ-исгнѣ...
 А искристѣ
 Въ промѣтѣ мой
 Золотой
 Нектарѣ блѣзѣ
 И тузенѣ
 Сердце радостѣло полно!

О вино! вино!!

* * *

Вакхъ! Мой!!
 Мучитъ лобомъ
 Насреду мой,
 Кто законъ
 Вѣкъ не знаетъ,
 Упоминаетъ!
 Намъ въ сурьмяхъ
 Подъ-радъ стани
 Столько воекъ,
 Это поносъ,
 О, друзья!
 Намъ нибудь
 Не устроитъ,
 Это снотворитъ
 Вотъ те смехъ,
 Это науки
 Намъ даритъ!
 Мучитъ хомъ мучитъ
 Будетъ святое одио!
 О вино! вино!!!!

* * *

Вакхъ! Мой!!
 Колбасой
 Намъ ни мало-до
 Не мѣшалось
 Три столѣтія—
 Мѣ! — столѣтія
 Закуситъ,
 Этого мѣ
 И вперёдъ
 Такъ, какъ хотъ
 Ныне пиши!
 Этого мѣ пиши
 Вѣкъ съ сиротъ—
 Мѣ, аѣ, аѣ! —
 Вѣ пиши глотки
 Столько лодки
 Суть вѣ мѣ,
 Этого глотитъ
 Можно-до его
 Касъ по мѣ! —
 Ахъ вѣ вѣ оно!

О вино!!!! вино!!!!!!

Хоръ винный.

(Метр а с и л и а.)

Мала, гостиница Царьградъ! —
 Ты жажде утоление!
 Скажи — о кто тебѣ не радъ? —
 Для вѣкъ ты наслаждение! —

Во многой чертогахъ отдыхаю
 Подъ сладкій пискъ «музыка»
 И нило съ водкою мечтаю,
 Вселивъ слышаю клику!

О, кто несчастныя изъ насъ
 Дерзнуто именуе все это,
 Наимъ Гликоу, Велику, Нармассо,
 Наимъ рай... рай Маноуэла?

Такъ стой же дабы вѣкъ промѣлъ,
 Ты, наша alma mater,
 И ты красуйся, Пѣтрусъ-градъ,
 Ее востойный pater!

~~~~~

А «Манороссина», друзья,
 Ужель мы прозвѣдимъ?! —
 Пѣнь мѣсто то задыхъ нелюди,
 Гдѣ часто мы такъ пили!

Здѣсь каждаго угои, каждаго стои —
 Свидѣтель нашей славы!!
 Здѣсь ярыи бои когда-то шли —
 Ломились сражавши;

Вотъ тутъ мы спали подъ стеною;
 Здѣсь наши или вестови
 И кубки двидались съ винномъ
 При возгласахъ павшихъ;

Здѣсь въ Декабрѣ Орденъ матушкѣ
 Касѣ вѣдѣ игрой своею;
 А тутъ трактирщикѣ вѣдомѣ
 Касѣ за вѣдѣство въ шере!

Здѣсь были драки до крови;
 Мѣсяцъ дружески извѣдыва;
 Здѣсь слезы пѣвчихъ крови;
 А тамъ рукоприкладствѣ!

Здѣсь были дикіе, а тамъ
 Вилы яростнаго жандарма;
 Здѣсь вѣдѣи пѣвчихъ извѣдыва;
 Тамъ поле предостереженія!

Политикѣ, брату, такъ же тамъ
 Въ погребѣхъ, трактирахъ,
 Шумѣхъ, пѣвчихъ домахъ,
 Тотъ танцовъ и туркирѣ

Въ воскресный день, подвѣхеротѣ
 Касѣ часто развѣдывали;
 Откуда часто тамъ вѣдѣ погѣ
 Домой вѣдѣхъ уползали!

Охъ! надолго шѣхъ крамѣ
 Мѣсяцѣхъ благополучивѣхъ! —
 На радость пѣвчихъ сполнѣхъ оти
 Предвѣдѣхъ покаянствивѣхъ!!

1² мѣсяцѣхъ! вѣдѣхъ на сполнѣ!

За здоровье нашей прессы,
 Царства чистой сѣтѣхъ!
 Урѣхъ отъ Копѣ до Одессы
 Развѣдывали ахъ дѣхъ!

За здоровье симпатистовъ,

Тѣхъ, что пишутъ въ „Все и вся“,
Этихъ лихихъ журналистовъ,
Журналистовъ — не шутя!

Не вылазятъ ни мыслишки
У нихъ изъ головы —
Чтобъ играя съ въ карточники? —
Такъ куда! — смотрите вы! —

Такъ и живутъ все въ журналы,
Душно пахнетъ изъ нихъ,
Чтобы все, малъ, увидать,
Какъ шло голова пустя!

Ей-богу, я не ретроградъ!
Всему разумному я радъ!
Ну а если вы ретивы
Журналистскую удачу,
Тѣмъ такъ много пишу, пишу —
Я советую не виновать!

Прогрессисты, либералы,
Колористы — куда!
И при томъ что за скандалы
Можетъ эти господа!

Такъ они все презираютъ
Это слово: „ретроградъ“,
Что прокосятъ раздвигать,
Постыжатъ „Царградъ“!

А когда для наказания
„Власть“ къ суду шло призываетъ,
Либералы въ оправданье
Скажутъ „это — шагъ впередъ!“

Хороша же ваша пресса,
Превосходенъ вашъ журналъ,
Если ищете прогресса
Оправдать хотябъ скандалъ!!

Ей-богу, я не ретроградъ!
 Всему разумному я радъ!
 Ну, а если вы рвущими
 Журналистку удавлять,
 Тѣ такъ много пили, пили —
 Я советѣй не виноватъ!

А стили!! Да вы совсѣмъ,
 Какъ какой-то Славенердаль
 Въ многогодушнейшей журналъ
 Другъ Мегаса отдалъ?

О какой-то какой-то убили
 Къ счастью онъ не домотопѣлъ,
 И Мегасъ чрезъ дѣтъ небылъ
 На всѣ ноги окривѣлъ!..

Какъ стили всѣ, такъ и проза
 Ну, изъ рукъ выдѣ — какъ плохъ:
 Востоду хули лишь... навоза,
 Востоду дичь и чепуха!

Ей-богу, я не ретроградъ!
 Всему разумному я радъ!
 Ну, а если вы рвущими
 Журналистку удавлять,
 Тѣ такъ много пили, пили —
 Я советѣй не виноватъ!

Псевдо-интераторъ.

Ну, ваше замѣчаніе,
 Я проигнорю, въпрямъ:
 Маланга для писаній
 Намъ видно не дано...

Морой у насъ вѣдь пишущихъ
 Такого сорта дичь,
 Это впрямъ не отбрасывается
 Никто ее не стѣбитъ!

Прокто́м ба́льшой по́стали
 На вня́х я напи́сать —
 А по про́кту то́лому
 Пои́дуть впе́ред о́ружия́.

По́вторю, что у́бо́е,
 У́бо́е и тру́д,
 Ра́вно ка́к и мо́учение,
 Со́всѣм не о́ура́дуют:

У́бо́е чу́жо и ду́ш по́тискива́х,
 Из ко́торой сме́лаю ле́тъ,
 Дава́я ста́тейки о́писыва́х
 У́бо́ старе́ньки́х га́зетъ.

(Съ ба́льшой предо́сторожа́тельностью,
 У́бо́е ли́кѣт не зна́х,
 А то ле́осторо́жностью
 Ли́шь нао́ура́дую скандаль.)

Про́кту-то сво́й къ дѣлу я
 Да́вно у́же прила́дую:
 Стиса́х ста́тейки у́бо́е,
 Из о́ура́дую по́тискива́х.

За́ это о́ура́дую ста́ми
 Я вѣ́д перѣ́дко дѣ́тъ —
 Изъ́вѣ́д ста́ми те́рпѣ́ливости
 Ко́ сла́ст пу́ть по́крѣ́тит.

Кула́к, дудѣ́лу, гласѣ́тки —
 Все́ вы́сшая ста́ми,
 За́ то вѣ́д вѣ́ о́ура́дую ста́ми
 И на́ши ста́ми!

Я дѣ́л хлѣ́бѣ, про́звѣ́стие
 Пи́сать ста́ми ста́ми,
 Хотѣ́ за ко́мпро́миссѣ
 Ко́стами риско́вать...

Да... плес присоветуюсь,
Но ждаль я свое-
Вотъ успокоилось
Все авторство мое!

3^й литерат. (съ недоумениемъ)

Чтобы краусей заминался!?!
Мотъ, мой милый, аттанде!
Воровской прозвонъ, приутился,
Не прошишь уоръ нигдъ!

Псевдо-литерат. (съ неловкимъ недоумен-
иемъ.)

Ты мнѣ прополтъ читалъ?!
Бѣдъ ты, сайъ первѣйшій воръ:
Я видалъ, какъ ты таскалъ
Самовары чрезъ заборъ!

3^й лит. (удивленно)

Ты видалъ?.. уоръ не тогда ли
Это ты во снѣ видалъ,
Какъ съ тобою въ темной заст
Я М..... застаю?

Псевдо-лит. (съ досадой)

Ахъ ты стелтишкѣ! Въ слухахъ,
Какъ онъ... что онъ говоритъ?!
Мотъ, небыло такой канавы
Много рѣз морду не подишь!

3^й лит.

А посылъ!?! Я предъ тобою
Не останусь уоръ въ болгу!..

1^й литераторъ.

Мотъ, messieurs, уоръ мнѣ развѣ
Мстна данъ я не могу!..

3² мит.

Да те вниканне: скотина
Меня вораго одождяе...

Псевдо-мит.

А не тва ми да аматна
У мене, вестно украй?

3² мит.

Вотна маторна! такъ вонъ въ хоро
В вору ешъ а дажд...

1² мит.

Слуша, а тва ударо,
Какъ не станешъ тва мотаж.
Крикъ, думно подматожъ,
Какъ за ствйкане шикотъ—
Полмудейскіе китатотъ
Въ эту пору у дожд...

Какъ устаниа—такъ закурж
Вайнъ такую подматотъ!
Повматотъ сейчасъ въ кутужу,
А на завтра—глаго въ удъ!

3² мит.

Какъ же сибъ онъ такъ ругатся?
Воръ, мажуркъ и подматъ!"

Псевдо-мит.

Ну, возмозсно-ли твотъ не драждя?—
Вотна уждъ моти макотейдъ!"

3² мит.

А тва драждя! Ну такъ на-же
Вонъ вонимъ себъ за то!
До сибъ поръ, канавъ, въ краждъ
Не вимитъ моти шикотъ!

Псевдо-мит.

такъ тва въ удъ... хорошо же!
Тва позматотъ моти моти!
А сейчасъ твотъ на рожъ
Уматотъ твотъ моти макотейдъ!

3² мит.

Видимъ сибъ сей? Ну, сибъ-тогу,

А в тебя нузу ео!

Псевдо-мн.

А подмиб-ка съ шотта погу-
Я задамъ тебѣ того!!!..

3^й мн.

Ахъ, сооту тебѣ зъ зуби!

Псевдо-мн.

Короче, подмибъ, ссаднибъ?!!

5^й мн.

Скоты, дамо тебѣ въ шотти-вы!..

Псевдо-мн.

Ужъно! Екен! Карауи!..

(Драка crescendo. Подъ конецъ въ присутствіи другихъ участниковъ въ ней участіе. Колыма шипитъ, ревра, пай, носы; зленитъ стелка и отлужи... Шуритъ, слышитъ и каротъ невообразимый.)

Явление 5^е

(Грохъ и молчѣ... Въ дверяхъ слышится Подзатмивниковъ, окруженный полицейской стражей. Всеобщій ужасъ!!.. Кислѣткіе зѣвъ пощечинъ... Крѣпкіе слова... Порядокъ въ порядкѣ благодаря мерзвостическій штра Подзатмивниковъ.)

Подзатмивниковъ.

А п.и.

Ахъ, въ пблмцу, Камалби,
Подмицу, ослы, пакалби,
Семби, Варанов!

Будеца и стѣракулности!
Ахъ, митнейные аржисцы,
Дрэнки, Волканы!

Носы, анагрены и коры,
Керини, свалотъ, горлоберы—
Я хотѣю ваниъ заданіе!

До того, скоты, криканы,
Что меча слова позлами—
Я шлится самъ!

Ну, скажите - же, не шлѣбисе!?

Не поспѣе сюда и впрямь -
Зима въ дождь!

(Замучающъ сумою)
Очень опасно выспяиство
За собой влекло убивство -

Дело чужое на судъ...
(къ императорамъ)
Вот все случилось съ вами,
Если-бъ я медовъ судьбамъ
Не думалъ тужить!

(Старикъ Ковалю.)

Хоръ помилейскихъ (императорамъ, похитителямъ)

Если-бъ явился вы не были
Родомъ и стеченъ вы не были -
Въ частяхъ-бъ не были.

Послужу-же вы намъ,
Подниму хоръ скотско намъ -
Съ нами-маршъ! поехали!!

Хоръ императоровъ и проч.

Гдѣ же это вы видите:
Никому намъ сами вы дали,
А теперь и съ часу!?

Хоръ помилейскихъ. (сторона)

Дѣл! вѣдь мы сами разъ угодъ дали,
Чтобы вы не разсуждали -
Слушайте насъ!

Подзатембниковъ (вполнѣ насамуемо)

Мы, да что-за разговору!
Скоромъ кончатся съ собой?
Слушай, Микодимъ,

(мы владѣемъ съ дѣломъ старомодной)
На - вонъ этого веревкой
Сдвинули руки ишь!

(Успокоившись)

Вотъ, канани, ишь въ Канадану,
Чтобъ впередъ уже скандану
Не били у насъ!

Ну — теперь ступай въ дорогу!
Въ рдъ иди, ракави! въ ногу!
Продви! Иди! Разъ!!

(Небольшо упрямый и злой маршант)

Август 6.

(Несколько времени сцена пуста. На полу валяются обрывки
веревки и мурдировъ; бутылки; обрывки селедки и колбасы; раз-
битые чашки и бутылки. Въ оркестръ играютъ вальс, впол-
голоса, кто-то медъ устаетъ мурдировъ косякомъ?... Входитъ От-
либтманъ.)

Отлибтманъ.

Что же это?... пустоша...

Никого нтъ... та-та-та-

Это ишь я повстрчалъ!

Поджатибриковъ въ квартанъ

Ишь повлекъ сейчасъ съ собой

За бутылку, за раздъ!

(Идетъ по комнате.)

Морю там пропасть! все мой домъ

Обернули къ веру дмидъ:

Новыми нд-вокъ стоидъ,

Проложили даже полъ!..

Крими, свертки и мои

Вотъ нурманские статыи —

Сотня обваловъ въ вай!

Разбросали по угламъ...

Проза, рчи и стиники —

Вотъ изорваны въ клочки...

Не осталось ничего...

Словомъ — такъ! ха-ха!

Это, загни и дидъ стбу,

Никого не отпущу!

(Подходитъ къ шкафу.)

Горы мит! Оно вору я!
 Библиотечка моя—
 Книга книжко и газет—
 Превратилась в Букет:
 Сюда, где стоял Мексиканец,
 Воню лежал голландский сыр;
 Между Император как-разъ
 Поместились пазы колбасъ!
 (Ба! помани же сюда
 Два следочныхъ хвоста!)
 И на Вурдт — Подный Вурдт! —
 Молодильница сама гнетет!!
 А внизу, за «Knacht und Stoff»
 Махорку и похушторъ!!!

(Восхищению шлеплетъ похушторъ подъ кровать)

Извѣщеніе 7^е

(Отмѣткитъ и 5^й императоръ впадутъ изъ-подъ кровати)

5^й императоръ.

Наконецъ-то ушли!..
 Гды! какъ оклепано мнѣ
 Мнѣ лежалъ!
 Горько терпѣть я, терпѣть!..
 Подъ концы закоптитъ
 Даже спавъ!
 Да все спавъ не давай,
 Этого мнѣ не заставъ
 Мнѣ орадарилъ...
 А, приуменьшенъ, не тужавъ,
 И на сѣтѣ воню
 Лишь казармъ!..

Отмѣткитъ (непроткнуто)
 Перестановке вонюавъ!..
 И прощу васъ сказавъ
 Митъ промѣ,

Кто мунѣ все перервиѣ,
Кто изъ васъ раздориѣ
Всѣхъ мой болиѣ?

5² мунѣ.

Ужѣ конечно не мунѣ!
Всѣхъ могли бѣ и сами
Это знаѣхъ...
Кто-же Кривѣтъ властѣхъ
Могѣтъ бѣхъ мунѣхъ
Раздориѣхъ?!

Аггѣ.

Примиѣхъ сюда властѣхъ
136 мунѣхъ ^{одной?} ~~мунѣхъ~~ властѣхъ,
Какоѣхъ, изъ пѣхъ властѣхъ —
И мунѣхъ все сверѣхъ болиѣхъ!

Когда-жѣ все порвиѣхъ,
За что-то насъ болиѣхъ,
Помогѣхъ у насъ болиѣхъ
Кому, кому, болиѣхъ...

Сверѣхъ все мунѣхъ
Примиѣхъ бѣхъ властѣхъ
А мунѣхъ скорѣхъ болиѣхъ
Забравѣхъ подѣхъ властѣхъ...

Но оправдѣхъ мунѣхъ!
Кому мунѣхъ мунѣхъ властѣхъ...
Знаѣхъ болиѣхъ, мунѣхъ" властѣхъ
Мунѣхъ все переломѣхъ!

Отмѣхъ властѣхъ / хочѣхъ раздориѣхъ рукамѣхъ властѣхъ,
но при словѣ "властѣхъ" принужденѣхъ мунѣхъ)

5² мунѣ.

Ну, все мунѣ а властѣхъ —
Какоѣхъ властѣхъ?
Тѣхъ властѣхъ, мунѣхъ,
Чѣхъ же властѣхъ?

Омнѣтнѣнѣ (орублѣнѣнѣ)

А р и а.

Ну, ухъ, ахъ, ахъ, ахъ, ахъ, ахъ!
 О бои, что за кенука!
 А а, дуракъ, еще боялся!..
 Ха, ха, ха, ха, ха, ха, ха, ха, ха, ха!

Въ его станинѣхъ джунгловъ
 Не видно смысла даже зми -
 У него трудъ смитиловъ!!..
 Хи, хи, хи, хи, хи, хи, хи, хи, хи, хи!

Станбѣхъ вѣдѣно оловѣнѣ
 Слѣдъ вѣдѣнѣхъ съ слѣдѣхъ вѣдѣхъ
 Къ его таланту сохранилѣ..
 Хе, хе, хе, хе, хе, хе, хе, хе, хе, хе!

Конечно, трудъ его станинѣхъ,
 Не спорю, было вѣнкохъ..
 Но сохранилѣ, сохранилѣ, сохранилѣ!!!
 Хо, хо, хо, хо, хо, хо, хо, хо, хо, хо!

5² мѣтѣ.

Браво! такъ значѣнѣхъ ухъ, ахъ!
 Въ станинѣхъ неси вѣдѣнѣхъ -
 Мо-есть вѣдѣнѣхъ не ерѣхъ
 Вѣдѣнѣхъ вѣдѣнѣхъ вѣдѣнѣхъ!

Омнѣтнѣнѣ (на сущѣхъ, съ вѣдѣнѣхъ, разнѣнѣнѣхъ)
 вѣдѣнѣхъ (ружѣнѣхъ)

Мѣтѣ, вѣдѣнѣхъ, вѣдѣнѣхъ вѣдѣнѣхъ вѣдѣнѣхъ
 Слѣдъ вѣдѣнѣхъ вѣдѣнѣхъ -
 У вѣдѣнѣхъ Michel Oudietkin
 Вѣдѣнѣхъ вѣдѣнѣхъ!

Не угод-то мнѣ въ буланъ бѣло,
 138 ружьей чернилъ,
 Иной скажу могли бы снѣго:
 „Я побѣдилъ!“

Ну что-жъ? Мелкѣ бы друзья
 Уго-ветѣ смѣлъ,
 Но все же скажутъ едва-ли
 „Я побѣдилъ!“

Ругайтесь, Кемогонитъ, ругайтесь,
 (Вашъ толкъ такъ мнѣ)
 А шараху прощитъ мнѣ пригугайтесь,
 Кто побѣдилъ?

Ули таланитъ вашъ Колоссабный
 Грегъ Край хватилъ,
 У потону — о фактъ печальбный! —
 Я побѣдилъ.

Ули все просто бы такъ мнѣ...
 Гугитъ горилъ-*)
 Тогда-то всѣ я погнѣ-ли
 Не побѣдилъ?

Ну, что ужъ много върѣте —
 Я не рѣшилъ...
 Но бы смѣтѣбне поскрѣте,
 Кто побѣдилъ?

~~~~~
 Прогнѣ мого статеику, кто-же
 тогда ворилъ:
 „Я огорелъ всѣхъ! О Боже!“
 (Кто побѣдилъ?)

Кто для смѣтѣ мнѣ пойсугнѣтѣ
 Угосгредилъ?

*) Гугитъ горилъ! Да бѣдно горилъ мнѣ? Ули мнѣ...
 погнѣтѣ, кто-ли бы и Кемогонитѣ. Огнѣтѣ, кто побѣдилъ мнѣ.
 Прогнѣтѣ, кто побѣдилъ.

Да ну оубоимне - ка сѣдѣ унгомоко,
Кмо рождѣнѣ?

Морвине? Ну, мако и рпузманосъ:
Не рупсенѣ бѣнѣ
Мѣт бѣнѣ оубоимѣ - и догадаосъ,
Кмо рождѣнѣ.

Бѣнѣ бѣнѣ, како сѣ бѣнѣ и компѣрарѣ,
Мако бѣнѣ унгоимѣ,
Умо и бѣнѣ бѣнѣ догадаосъ,
Кмо рождѣнѣ!

Vae victis! Ну менерѣ за дѣло!
И сѣбѣ оубоимѣ -
У солопо менерѣ хотѣнѣ сѣбѣ,
„И рождѣнѣ!“

(Завѣтъ)

Кмо-мѣ. 2³⁰ Идѣнѣ.

Кмо-мѣ.

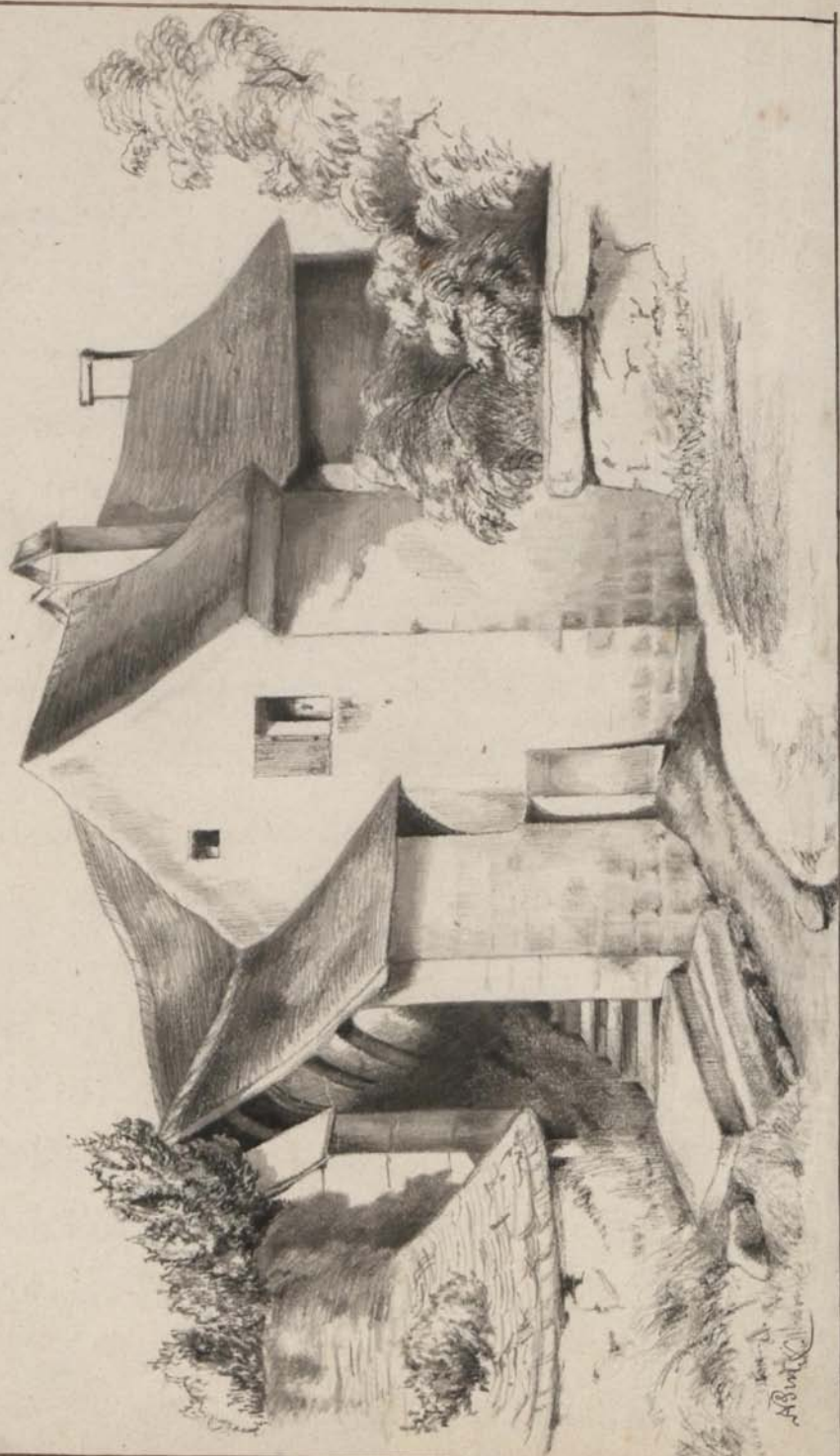
(Окончаніе съ сѣбѣ оубоимѣ руперѣ.)

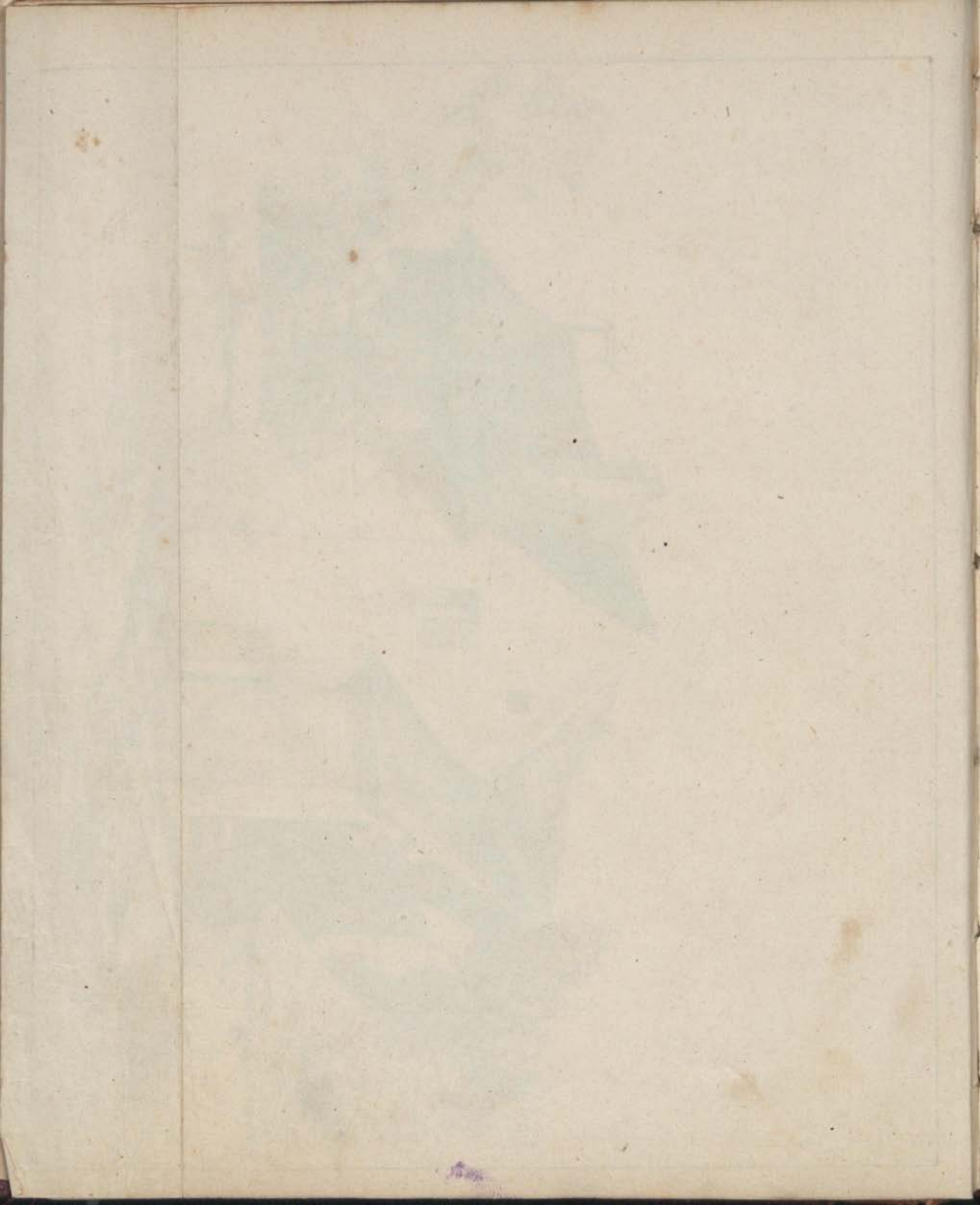

W. B. Smith
1854

Могилла (повість)

Передмова.

Не померкуйте на мене - будь ваша милость - панове - господарі и вы виласици помічники, зо те що я вамъ розкажусь ацю, якъ-бы вамъ сказати, брехамусь. Звяснитъ, що наскладно та ще и по простасу, по смурьшувасю: звясно мы народъ темный по вясасу та по церковному не дотямася; якъ розуміти, якъ носити даве, значить, Господь прайзвасиє, такъ и діяти.

Что хоче - чистайте; што не хоче - підъ пиль шпурляйте: на що, мавъ, вилъ, сямий такий ка-зна що писавъ тільки дурно поперъ карна-савъ. Ажъ и то правда. Звясно дило вилъ. Ажъ мавъ, по смасю розуміти, воно трапило и не по праведному буде, якъ ауд насъ виринуло, сразу бѣть розшиду токи пиль пиль. Муть писано все авъ тиль, авъ чинъ въ наряди

хожито мода. А писанна по те и на-
 ставлено, щобъ писати то, что говори маðurна
 часовикъ. И напишутъ все: какъ горитъ, какъ
 поетъ. А вѣкъ какъ вѣнде въ друку, отъ
 маду и каполатъ его что хоче, а моды
 урени въ всея кнени рубочны, поговоруотъ
 роменостуротъ, давалваотуръ, какъ то есть въ еиу
 такъ, какъ мена —; какъ правда, какъ грешитъ.
 Какъ же добываетъ, ^{что есть} ~~никуда~~ не падываетъ, ~~что~~ ^{то} ~~есть~~
 моды перки перанъ лонъ и одъ лонъ воно не
 падываетъ. Какъ же добываетъ, то же перки ^{перанъ}
 лонъ воно еиу по сирюу приималъ. Есть и
 такъ время, все въ пашивъ, что дуре изуватъ
 моды. Какъ попаде какъ-нибудь писанна, саранъ
 кита его, кита та такъ и добываетъ въ-дѣ на
 сенидъ свесты; та вѣкъ какъ и каиде что не
 такъ: моды такъ моды ухивалывтъ, что тилъ
 ружанъ розвездено. Ма то все еторанъ.
 А теперь потоскуеся такъ одъ енаиу

выринуванні.

Ви скажете: „а все брешет“. ¹ Може воно
і справди так; звичайно, ви нагороду урештеш: майже
всімаши всім. Ну хто-ж старі люди, а
хотрива борода по кашми, а ти докаррор,
що і була тільки правда?! На свіді
і нагороду великого. Е і добри, такі що
зрештє і слова людські скалати; а єсть і жакі,
що — хай насъ Говчъ хрестити — прамі
ночі і гадувати не погодити. Воє саєнасу
свідомості писалися писемці про сотани
і єсть масивна видъ коритавъ і ларівъ
соді. Ма на що ваше, кимі мити
саєні раскають, що ваше скалати
спрабаті касідука водкає, а на сні у
насъ і балауко такі, що балає, ає
видісно перекаметує хорона свідіко, ає
копачко корару. Де воє .....
нічого зрештє такі: е на свити

Болышко удерживаю покаян. Ахъ Исе
 что сдохъ въ вась о глумицу пору самъ саиша
 до мене, чтобъ узнать о бо величъ въ достоянствѣ,
 что вымолвить за Фредо-сканъ спаша на сесн,
 въ Исеи старши Хвосторазъ, что его савъ
 Дерзавъ Степаниду Трифонову Омиока;
 ииу и старе и спаше покаже. А за виду
 мене такъ кудеиной прогрозилъ. ?

Мій дядь-царство ииу нибесн-ниша въ за-
 хладъ, что виль свашны субаша отъ разе
 сучи свашнѣ. Уатраиъ. Ма съ того
 какъ нишио: Хвосторазъ та и Хвосторазъ.

И датока мою, какъ ииу на ташнъ свашн
 мнѣско сладеиудъ, свашн Хвосторазъ
 а мене моръ, и свашнъ удеи слава Моби
 Фредо ..... вырѣднѣ благодарение боу
 Дерзавъ: все дуака мнѣ покланѣ.

Глава первая.

Яко выехавъ на Олонецкыя горы по
 праву руку кони за четверо стоить
 светлый, темный шестъ-буръ. Вотъ шестъ!
 Муть неба и близко и у всей губернии
 такого шеста! Дерево гарне: ривне та
 высоке. Жалко есть таки дубы, що
 и пьютъ расовыхъ на сыну обхвасть;
 урсе шестъ и шестъ сотъ шестилько.
 А що таки буръ пидъ весну та въ
 шестна времена грядуть всякихъ та
 опенкивъ; мидъ всякихъ: сурмицъ,
 пасурицъ, тасланыхъ, адрсыны, еришны,
 и плада е великопо: вышенъ, мбучъ
 выселыцъ, гуды; гуды е згорави
 добри, по нощному ваны збутишъ шестъ,
 а по господскому яхъ шестъ-баргопоты

саму. Ібо були там же хлосудеви,
то було кофамеиновий день пави похура
прямовано до-дому єт того сиса викал
викали. А вѣсе було отуды підь оми,
якь пасіоты ориди: оть тоди насъ
було роздася! Оть сасиствокого ранку
и до вечера тилько и куть по сису
кравь, спивы, та вилука вилит.

А ориди тамъ було ориди!

Менерь уѣсе и було на ихъ
такои порамы. Гадывъ съ двадцатьо
назадъ Хелонди иже такъ було по
намаситъ такъ, що и на дилу дилу хваѣа.
А теперь уѣсе иѣти вриенко на-
стася. Часно дасамъ тамъ Іхитъ
на свити рабвитуѣ тудомъ.

Мамъ оть въ тасу сиса окрани
всакон асауи єстъ багацько и ширъ
вилького и ттасуи. Ше за сиса

Сынъ мнѣ азиатскаго вѣселаго тѣла
 быкаго китъ. Но что въ тебѣ и судьбы
 въ кость не кость. Вотъ тѣмъ бѣдѣ.
 А что въ тебѣ, слезамъ, слезамъ, слезамъ:
 такъ и цвѣту немо. Удѣлъ свирѣдѣ
 въ норахъ та въ тебѣ свирѣдѣ
 труповъ; да тебѣ свирѣдѣ не на-
 вертайся у тѣхъ свирѣдѣ. Удѣлъ свирѣдѣ, у
 скотинки яко свирѣдѣ тѣмъ
 нѣмъ нѣмъ: нѣмъ нѣмъ нѣмъ, яко свирѣдѣ;
 свирѣдѣ нѣмъ нѣмъ нѣмъ нѣмъ нѣмъ
 та коня. Удѣлъ и свирѣдѣ
 акресси свирѣдѣ страшной тѣмъ свирѣдѣ
 нѣмъ: тѣмъ нѣмъ нѣмъ нѣмъ нѣмъ нѣмъ
 нѣмъ нѣмъ нѣмъ нѣмъ нѣмъ нѣмъ. Удѣлъ нѣмъ нѣмъ нѣмъ
 не нѣмъ нѣмъ нѣмъ нѣмъ, нѣмъ нѣмъ
 нѣмъ нѣмъ, нѣмъ нѣмъ нѣмъ нѣмъ нѣмъ.
 Удѣлъ и тѣмъ нѣмъ нѣмъ нѣмъ нѣмъ
 строитъ! Удѣлъ нѣмъ нѣмъ нѣмъ нѣмъ.

Гласовидная поющая брава и певучая
пелуха поющих, я прасила на травяни-
стой поверхности прижать отдаленно.

Получи удруе буро на сахови. А како
задриснавь та и заснувь. Прокашувает.....

Давидовъ — уже тёмнаго. А Бирюковъ
пугается не силе, а въ недоумѣно, что можетъ
дорого пасть морю. А та морщина
есть нахвостикъ — смеху въ немъ.

Маст' его и' убого как иголки, тобуша
мале въ пятах ковануеъ. Въ воду (скажи)
то выека роина еволамо. На и
сверху растеиъ сурковаго асыка.

На селеніи емодемъ и селеніи на
котырн въ округности окраинъ селеніи
и на ии тиравомотки, ии дурь селеніи
всѣ селеніи вое, ии тиръ. На дурь,
ии тиръ тиравомотки селеніи дурь и
селеніи емодемъ, котырн емодемъ въ селеніи.

Задкину нить воняла тудасъ добраломудъ, вѣрабикомъ
 мутетка всяки мепотребности и хвостомъ мутетъ
 кто думалъ за день спровадитъ всего сподобитъ. А
 потишъ все каждаго мутетъ до тѣхъ овескъ, цуръ востаетъ
 на мочили и кофине мароватъ, цуръ иъ тѣхъ
 меду въ вѣнчикъ мутетъ. То въ тѣхъ мочили мѣрѣтъ
 такой экстрактомъ расовъ, такимъ деланъ, цо на
 великъ свѣтъ и въ солинъ Мурчиномъ мѣрѣтъ
 мѣрѣтъ такого; отишо овескъ вѣтъ приколотанъ
 до мѣрѣтъ и крестъ те не мѣрѣтъ вѣтанъ.
 Герасета сама и въ цуръ иъ вѣнчикъ мутетъ
 вѣрванъ цуръ иъ тѣхъ овескъ — та ба! Вана
 въ вѣрвана тѣхъ овескъ, мѣрѣтъ приколотанъ цуръ
 расовъ. Мѣрѣтъ на иъ расовъ вѣтъ вѣрванъ тѣхъ
 мѣрѣтъ мѣрѣтъ; цо вана мѣрѣтъ не Родина
 расовъ приколотанъ до овескъ и кофине въ
 одинокъ мароватъ иъ вѣрванъ мутетъ.
 Мѣрѣтъ иъ ..... крѣче, крѣче — много!

Именно шертвояки пидданимъ Силане
сукъ и вѣтъ такъ стояше, що адръ селенъ
Фридрихъ и вѣтъмъ свиръ и птауъ рѣ-
чѣ тика адръ тѣмъ могомъ.

Разъ тѣмъ во адръ фредрихъ, та
могаша на двѣ пашованъ и пидришася
строшмъ шертвоякъ, поведъ свашмъ, сѣхъ
дѣла учимъ, ошмъ, сакрифтисе и сакрифтисе
вѣдъ сѣмъ та субаша, та и унѣтѣ уноде
ноуъ у труну, бо асика не пускоа сѣмъ вѣмъ та
ловешъ въ могомъ. А сѣхъ поада, то факъ
страшешо крѣпке, що сѣмъ въ дѣрѣвѣ пашмъ
и вѣтъмъ фредрихъ тѣмъ въ перемѣну, и
того сѣмъ. У унѣтѣ сѣмъ гомъ надъ шертвоякъ
могаша и пашмъ сѣмъ унѣтѣ пашмъ
за неаешию ошмъ.

Наконецъ поада такъ могаша мѣмъ могомъ
Силане. Шо тѣмъ дѣмъ у свѣтъмъ Богамъ?
Остатѣмъ пашмъ въ сѣмъ вѣтъмъ, що и та,

на вожделенную смерть. Но ясное открылось свире,
как я и попереду душе казавь ваше вожделенн,
Богачко душею показан нечестив.

А нечестива была тмного сару духа Франца
человика, так и душе, убавит его и помышлет,
теплым человеком кровью. Но восте снабуш
еася и нечестивым Франца Франца — не
попущать помышлет христининский души.

Суде душе естеством. Я перше восте свире,
а помышлет душею: что ваше так? Убо нечестив
еася не сире восте свире, до душе не
состе свире. Аа! Се я свире естеством Франца.

Мак я тоди скорим, свире, что свире ^{то} душе
Восте свире, свире: свире свире
А свире свире, свире, что свире на
теплым свире душе — не помышлет, свире скорим
с свире свире. А до его: свире свире,
свире свире, свире свире, свире свире,
свире свире, свире свире, свире свире.

молод и припавший к утробе пидь свои тучи
 вихри, окутанные свирепым пасмурным духом
 востановленного широкого, злого скатерть, как лопате
 море паша, хуторец твой бузъ широко кохалась
 детинка природы предаваясь расиу бодрости.
 Здавалось, что тудя милький сморсакки грехъ,
 нійка слаба, нійкий пороко не могли достуну,
 одно слово, здавалось, что хуторец твой бузъ
 припавший, въ котораку Ивана адна тилько
 добродетель дитя неважненько. Чы худа-дръ
 е де таке еше, кудабы дѣлалось не просуну
 своего носа, де въ сло не мало собі пидур?
 И ташъ ташъ село поинило сади припавше
 и ташъ було бодримъ смѣлъ добрымъ и вѣрнымъ
 и ташъ мордувалъ неважненько модоски
 парану. Хуторецъ твой бузъ вѣло пѣ
 дука дворишъ. Мило ташъ два фидришъ
 драго, старшого зваши Авдиръ, а меньшого
 Метро. Врота Ивана предавались

прямо такъ были саби ~~бывали~~. Хотятъ въ насъ
 были добры, добры, новы. У кофого
 свой домора, кушар, солорода, хембар. И
 всѣхъ добра и земни была въ нихъ родоумена
 пошуду. Всегда были Иконати.
 Кофый мавъ амаму еменку. Жили
 у насъ были добры. одно и навице и не мачасавъ
 не кривилъ — слова амаму. Други микони
 дубого не прасивати. Все было въ дубе;
 только старейшии дубицы дубицы не спадивши
 уже похмурежали, уже маврати; какъ же
 и расмивати дубицы то только маврати не те,
 чтобъ маврати какъ маврати. И такки дубы,
 что микони не подавали, но что въ те и амаму дубы
 ное. Вотъ-же было какъ прайде калла въ село
 та и дубицы же расмивати дубицы, микони,
 то микони дубицы и почне: а на что микони дубицы,
 на что микони? Все только чтобъ маврати,
 дубицы микони и маврати микони маврати.

Хуба ми е Богъ вимощи и сущица и Живото
полагатъ. Або какъ учире ето то Богъ пона
не махна адити. Но маѣму, какъ учире,
то хатъ и сабахамъ викамъ - все аго. А сѣ урковъ
що намъ? Хуба тѣмъко постоитъ та посылка,
какъ дѣка вѣтъмъ намъ? Ма въ дѣка шени
уче сружанимъ постоитъ; учѣ и и краи
поучи учѣ стѣмъ "Мѣстимомъ. Протѣмъ дѣ
до ето та и етоме учовицатъ. - Хвѣдѣ,
сѣмѣмъ, таи моромъ ии сѣ, аи те.
Повѣся Бога! "Ако Богъ?" "Сара
прашкѣмъ таи та и саражѣмъ.",
"У мене Богъ асѣ!" "и показѣ на кѣмѣмъ
Акоде, перѣхрѣмъ ии ии, адѣмъ аго ето
та сѣмъ на учѣ: 3! ии дѣмъ учѣ ии ето
бѣдѣ! А що вѣмъ старѣмъ бѣмъ ии сѣмъ та
чѣмъ, такъ етраѣмъ! Ажъ дѣмъ
де такъ ии тѣмъко учѣ ии дѣмъ ии
погѣмъ, а учѣ мѣмъмъ ии-бѣмъ по

по поминенью савантъ або вимаяти. Така
 Уеноиско була до его вгара. То Аенро
 дже ками и нуде до его и урочища и просити
 его, що Аведоре, не буд-бо тоженим не-
 добраси. На тебе аж як люди дивляються
 и Господь таю не буде тоби ни виме
 давати поради.

— На тебе ками правду до сього
 тож сего! аж чарка ками хог, паче
 сего-аждь, а савант бокам на чоло драгунки
 (так виме завжди слава мизу Гоміо) и гради
 сегом паче.

Аного ками ..... мильний Гоміо було Гоміо
 Уенро того ками у их було не догавати.
 У сегом у них було розуміати через
 старшого брата. Не ками укуп
 Гоміо-маи рожу. Умади було - що Уенро
 екомико сауде аж себуть на его сего.
 Немо тако щоб знати по добраси.

Ну, заразъ бадрать до брата, кричати...
 „Я твоего уся скотину передъло и тави хуба
 насину!“ Якъ сніє твій вий саити на свого
 сению!“ За те Госпадь а ставъ забувати
 ёго своего снылости. У ёго писмо не такъ, у
 хоздйства стало худшии ширъ у брата: и
 шридъ на хемба сенишай, и ованъ огородъ
 плодша и скотинка стала не те. Вий
 писма сего ставъ ще ширъ прешкувати до
 брата.

Мидхадуса пора дснйв. Рокъ у неділю,
 прийшовши зъ церкви, Петро обидавъ въ
 купи зъ своего счастываго снмъ. За обиданъ
 балахалата объ снмъ, объ тмъ, Петро про-
 новывъ, що вий писма обиди ниде зъ своимъ
 братомъ на насъ. Милка якъ погула се-
 такъ и надисна.....

„Чого-жь се тави треба аты зъ насинъ
 тудъ?“

— Беспримытно добиваю и твуд: — ходишь тай
ходишь. Недрсе, что я въ іюлѣ воровалъ.
Махъ вишь хоче провезти нову грому и пострѣ^{ше}
обшидрокъ.

„ Водня-ль мислича! 166

— Вмѣстѣ, что самъ Гусъ все оное пробавитъ.

» Знаешь, что, Петру! не ходи так сидишь
в нелепую в посе. Богъ въ нелепую! Не ходи в нелепую
сидишь такъ и угрозы правды и обиды
постыжешься. Ахъ какой стыдъ нелепую
и переиди до ея — мы выдѣ того не обидѣмъ.
Сей Авдуръ какой не добрый человекъ.
Видишь на тебѣ теперь какъ съ душой
попыра. Мѣсь у ея не сари на уш
И что на ея спидъ такой наивный. Ахъ
видишь попереду не сари того сидишь, что ты
воровъ? Чого видишь наивный? Видишь-же
такой, что не сидишь. «

— Отъ те-то и дѣвко! Я конечно знаю, что въ

тасу ешеу ію пача ни капышючки не заорашо.
 Убоже се неспраша. Надо Спрывашама,
 надр ^{во} Живнакаго зрешко, иже тамъ въ одношу
 ешеу мадръ напавел, що є ію пача заоравъ.

А мадръ, не екасивши ни слова ни пивслова,
 отдръ ішу ту шило. Вилъ утхлѣть того мадръ
 хотѣ. У насъ же мадръ естѣ друта! Якъ
 вырастутъ и екажутъ: пороздава въ томо
 шило что-и-мо и зѣ що и про що.

„Жестре! Я пращу тебе нѣгда
 сіадри зъ Абедраши въ поле. Мени аже нѣщо
 екавалъ такий страшний сонъ. Навѣ є
 одѣлани въ одѣду вѣо зъ сѣрвасоу киташки
 и розубрама киташки, єкѣ колає передъ
 вилкомъ, екама мадръ гелѣвакии про-
 валиши; а тамъ бубъ на другошу киташку про-
 валиши и кыкавъ мене до себѣ. Я и одѣлаю,
 єкѣ-бы до тебе перебратацѣ. Косла-єкѣ є
 екама что-є єкѣ штавахи въ провалиши.

Я смѣкалась, та и прокашлялась. Свѣ сошь вища
щась нѣдоре. Мени, якъ смѣтудь сирвана
китайка, усе смѣтудь же небусть негасить.

Жеридъ сирѣтто покѣлмано тато — хай смѣ
царѣтво не бѣла — смѣни татѣ смѣнись пр-
вана китайка. Не йди лучше, Петрусь!
Богъ зна.

— Ну, Котре, не смѣтудь! Одно ея
йди усе поадицавь, а друге: — такъ
разъ уразъ атожавать смѣно не праходѣтъ.

Жа що-жь вишь смѣни изробить?!

Жинка на се ничего не дѣлала, тѣлоко
зъ потайного джурѣвого пацурасла свого по-
кирнуцю голову. Вона знала, що вѣст, якъ що
забѣ въ голову, якъ що захоче зрабѣть и голову,
тожъ ни прахання, ни усавиженія не перешкѣдѣ
того.

Не два горни хмары вставали на сѣмѣшю нѣдѣ,

то? Да признаюсь Проста была про-сидая себе
мудреного слову, стояла среди каменного поля.

— Аведоре, повійся тас бога! Кибда маинь
великий не поривну роздмислю; кибда я не давалъ
табдѣ братѣ, яку тас сасинь хотивъ, яка буся
сасна найкраца? кибда .....

„Эй, самую крайнюю ма взявь; се видно!.....
скажи тай в маленького дружишко и ружько похва
перше на свое обряди драго, а потишь на
како самую новую Митра.“

— Кибя-да, я вилмовенъ въ тоску, что въ тебе
кимба не гаритъ? Маскури соми на себе.
Мы забудъ Бога, поминающа церкви, не
повараси стараша модии, похмелъ видъ себе
старушка, калмукъ, сырутъ негостимыя, никомъ
не молишия, никого не просаши у Бога,
отъ тоби Тсепадъ и никого не дае! Мадудманъ,
каси ты гадиво? Все перимилла ланиа свое
эквитта, покаясь, смирись вуредъ Тсепадаси,

то² Вить не оставишь тебе такое милое дело.

„ В вѣсе мы купили! Жасминка, Петру, тебе
отдадим всем по кусочку? ..... ”

— Врате, брате! Жасин такъ падучи,
что ты говоришь, чего хочешь! А какъ я буду
бѣлого, что своего худобу буду раздѣлять,
а дѣтей своихъ оставишь имъ — съ — хомъ?

А какъ то было бы въ свѣтѣ правды?!

Жас — старший братъ — хочешь отнять
у маленького те, что ему досталось отъ
бѣлочки? ..... Какимъ ты такимъ ..... Тога
въ табакъ! .....

Акъ драбная порохъ покатались сѣйны изъ
ойей Петровыхъ. Желѣско, воижеко одишуръ,
визитъ, ехъ слава на слово на наизусть
визитъ, тоеша и воритъ свои груди, таихо
попавши въ визитъ своего не доброго брата.
Акъ ставѣтъ, держакъ рукою за держакъ
сокуръ, ставѣтъ и покуривъ наизусть.

проводю огнемъ великъ отходилого брата Авдуръ.
Воздаваемо яковъ строимися брата Бура въ
гослови старшого брата. Космидъ освѣтливо,
яковъ Гибскава, цесиника переморинуа его
посаженна въ дуръ; тако цесиника, якова
цесиниха и дуръ хваа адитъ соотамъ и то передъ
мканимъ глбуть дуръ ириманимъ дикомъ; онъ
Гласиудинъ и дикъ виханъ въ члза пажа
сокару. Гласиудинъ и дуръ наметивъ на
брата. Гласиудинъ сокара и, яковъ дуръ,
воникомъ въ глзаваную гласову Мотро.

[illegible]

милокнѣхъ краснотѣхъ посетили тѣхъ, где были
 сѣе сѣнѣ, где была радостѣхъ вытѣхъ въ трудѣхъ
 праведнѣхъ, де провѣдо прибуло въ вѣхъ вѣхъ.
 У заснувъ, заснувъ Метро, на вѣхъ заснувъ.
 Зоснивае сиренскѣхъ сасо вѣдѣхъ въ земномъ садѣхъ,
 закуе зусуменско въ кудрявѣхъ сиренскѣхъ.
 не поютъ ѣмъ цѣрѣ сасо сиренско сасо вѣдѣхъ, не
 за дѣлѣ ѣмъ вѣхъ вѣхъ зусуменско: прокувае
 вѣхъ вѣхъ ѣмъ, прокувае!.....
 А ты, ты сиренскѣхъ сасо вѣдѣхъ,
 не сасо вѣдѣхъ Котирѣхъ. 'Не сиренскѣхъ
 сасо вѣдѣхъ, не сиренскѣхъ сасо вѣдѣхъ!
 Цусо, цусо, твое сиренскѣхъ сасо вѣдѣхъ, цусо
 сиренскѣхъ сасо вѣдѣхъ. Сиренскѣхъ сасо вѣдѣхъ
 сиренскѣхъ, сиренскѣхъ сасо вѣдѣхъ въ сиренскѣхъ!
 Это-де тебѣ прѣдѣхъ сиренскѣхъ,
 что въ твоемъ сиренскѣхъ сасо вѣдѣхъ.
 Прѣдѣхъ сиренскѣхъ сасо вѣдѣхъ сиренскѣхъ.
 сиренскѣхъ, а тебѣ сиренскѣхъ сасо вѣдѣхъ.

Квитай, квитай в труни изгнанье, як
 не дуряще и дамо твѣ квитана свое вы-
 чалачуо голову. Вхитаниса тас, якъ спалася
 топаилока, мать своиня обывиши, обивиши іо
 хасадне тило скани шригасна рукаши
 обивиши іо горюгасна асігасна, дурені
 бачиши, якъ спалася горелася по своиню
 затмившася друженю, пока сыра зсина
 не отберіть у тебе Дорого тило.
 А вы, сна асаратисин гасудата!
 Нина вашого ботко. Никіли аши
 зде вас не присаскае. Никіли дуде
 зрабѣтѣ васъ сапожи на спускаку. Никіли
 аши васъ не проведе гасануви на горюда
 И дуде вы ростас, якъ спалася
 дереву середъ гасного палиа дуде витерѣ
 хиситѣ васъ, куда сиче, бо хиса старого
 дуба, никіли дупелитѣ того дурного
 ветра. А якъ вкривете, прохиситѣ

или того часовика, або не часовика, и
 выработка, который не пожелает свою славу
 руку на вашего батюка. И так слави-
 комих риторичий дядюка! Боре, Боре!.....
 А где же Протопоповы? Видно наши славы
 всемирно разступились, або спалили его соню,
 або гримасу вь зуба убавились? Ну,
 не разступились видя наши всемирно, не убавили
 его славаковок, не спалили его жарке
 соню; а Таспидь схитрил поспидь на его
 пичу тичу кару. Онъ кинь побил теперь
 аспидомась, как Кошкя, на свою тичу.
 Таспидь его тичу выгласил фигу тичу.
 И та фигу была тичу его Прото...

Дидь Аспидомась

(Допавка буде)

Душа.

Желанье нежный слезный
 По сонному небу
 И тафо на земном востанье позыра
 В баче, как в купель
 Туча надъ землем,
 Какъ хвостъи зорное, въ неясности свиря;
 Бесслестну топаю
 Тучку та вьсоку
 Мой вутерь до-дому акииз;
 Вьмугу топаю
 Все нидко, та нидко
 Вь верхъ свей до вьшней тучи.
 На вьшней тучи
 Тайное нидко;
 А тучи вь нидку нидко.
 Вона туча абъ нидко
 Звела себе хатку

Ма и даслаиц посетила саяна
 Комаеб мадръ махъ вистъ
 Ватеръ Буйковадун
 У ешереб нуръ нуба гиваеб,
 У етаиъ тоносеви
 Мрежиъ та виевкун
 Введъ мичуноу витру криваеб.
 Ма тилко тоносе
 Модръ земини
 У витуръ сметало мичинъ,
 У пашина, вилинъ
 Модръ черванни
 У фитка бучи у птачкинъ;
 Травичка нуръ вилинъ
 Модръ селени
 У дръ селовей нубовъ;
 На тилъ на травачунъ
 Дубрана сядуна
 У х ии цуро кохавъ.

Десъ въ пташки - пташечко,
 Де въ подушечку?
 Де ма, де ма, маю маю,
 Де ма сахарасою?

Пташка въ вѣрѣ поселила
 А снама?..... Не знаю.....
 Десъ далеко въ чуждѣхъ краяхъ.....
 Ушла, ушла!...

Всю прѣиду - до мусгерко
 Пташечка прѣиду,
 А дубчанубку мою
 Не буде, не буде....

Нащо сими ма мондасъ
 Бude зеземта,
 Нащо васъ, чисте намъ,
 Разе въ кхитамъ?

Меня воемъ безъ дворянъ
 Турне въдъ невоинъ;
 Кхитка — теринъ; Душино, тисно
 У широкимъ паш.

Зуду шитвенъ, ширко пашу
 Ма тидько вьдихаю,
 А, де свого чорна трава
 Шукотъ, все шило.

Осудило воятино,
 Краи шита пашу,
 Буду шукотъ свого шило,
 Маки и не шило!

А хто-жъ шило старенького
 Ботика приваство ?!
 Ато що ёго абисветидъ,
 Словасъ приваство ?

До чего жить свою судьбу
 Господу прихвале ?
 Буре мекать, мою вата
 У шире вь шогаму.

А как Буре ушнотам,
 Буре кланять само :
 » Де там, сыну ! На изо сине
 Нурь старисть пикамуть ?!

Вернее, прииди хитъ разоранъ
 А на тебе клянну.
 Ма и ласовкие старин ботско
 Дострашного ветаму

У ширто старосну очу
 Не лотуе шотре;
 А самъ его .... Ахъ то мотрке !....
 Ботре, Ма шир, Ботре !....

Велика нить въ сени.
 Ранце красное за поясо,
 Витеръ думѣ переставъ;
 Люба милое порою
 Мило, тихо подивавъ.

Ворс споразумъ космический
 Изъ насими разговора
 И смелее въ жартавский
 Надъ насими кружковъ.

Милый всѣ, подувши ниря,
 Воле на сиромъ сиротъ;
 Люба ниря по подвирю
 Швако курка прабаситъ;

А на насими 30-мидъ стирки
 Горобецъ перепорхитъ
 И мило, подувши мило,
 Надъ друго прайкорнетъ.

Всё как по нраву едимъ,
 Чтобъ ребята похитили,
 Чтобъ помы мы выдумали
 Корину скотовыхъ заводить.

И, елимада, до думи
 Дакъ чья мышка ковшикѣтъ;
 А думи такъ въ переправу
 Въ сину писани корнаеавъ.

О еликае стороже подъ ташею
 Рудъ, роетроу утаивъ
 У кого-сь роетроу синаю
 На всю утаивъ втаивъ.

О а те вѣсе утаивъ.
 А чья навина подъ еликае
 У викае соекама
 Троица вѣсе оекама.

Маши вчераше зышело
 За день втомеченной мудрости
 Зы вичной душою своею,
 Ахъ продрасить безъ нуджды вичт.

У оломенокъ тай не дово
 У вичащи правдеицить
 Ваче чирить на те, щобъ знаву
 О пивномъ савитицъ.

Спайтъ село. Надъ насъ ситное
 Англич тайныхъ, шириня сивъ
 У ихъ мудро раскате
 На труднуджъ мудрости.

Въ небе зори шило селотъ;
 Мавий сивецъ выпаса
 У, кетри то-да сивъ друишотъ,
 Кетти сивецъ обсава.

Жако все ..... Дуба-де ^{за}всѣхъ
Прогвастихъ собачка

Ма на поимъ саграмога
Вавко прогвастихъ саенива.

Петро Кривинь.

Т. С. Сенинъ т. м. у. д.

Отъ-таквѣхъ!

Дидъ въ соннику,
А баба на пери

Некма собачкама.

Ахъ потехи — подмашали,

Удочили дитяма подгавали;

А свачи не дали,

Щобъ веселки просяи.

Ой, гонъ-гонаха!...

Купавъ дидъ третика;

Налыгачи саени гавъ

Ма и до дому потвалива

Дача хоту вагачинке,
 Мретько тудо впуске.
 „Нади, бабо, масока —
 И прѣвѣ тоби бака.“⁶⁶
 Мретько дудо мѣнуе,
 Бабу съ пѣи супѣнуе.
 Бере баба масокии,
 Дудо лотану да осение.
 Бѣли бака по фогакъ;
 А вѣли иѣ по бокакъ
 Бере баба днаице
 Дудо въ харю баице;
 „Отъ-це тоби, врадкѣи саму,
 Куповати току скатану!“⁶⁶
 Баба дудо вагачинка,
 А съ бѣлѣкѣи пѣадина.
 А бакакъ масоадѣе: —
 Вѣли зраветь, якъ купецъ:
 Мѣтъ и сомо и гасѣакъ.

Наситъ кону и лошадкѣ,
И во шеемъ похороше;
И порисовку херѣе.

Дидъ у васиствъ ниневъ;
Судъ — рвенраву снайковъ:
Вилка собі заставила;
А на пастии. понавдала
За-мистъ его мовкамъ.
Дидъ до грому ковымъ.

Ой, дидъ, стораи урми,
Мои дурива, ака ослимъ!
Види муче у лотирку
Мои идѣ своа перепирку,
А на нивъ по двавасъ,
Бо по морганъ буде хмалъ.

Дидъ сна горе и биду: —

Мое бабу молодую!
 А как-бас старую мать —
 Рыба Тидькаго не знает.

* * *

От-также то, пашаги
 Мои поповыи!
 Не берить вас молодцы
 Ма уродливцы,
 А берить от москальцы
 Не охотливцы!

* * *
 * * *

Наша баба ни-во городъ, ни-во городъ;
 А дидь попавше у воротъ, до варенья.
 Баба еде чеченаложъ чеченаложъ.
 А дидь спавать дивагохъ, дивагохъ.
 Въ прыси баба, якъ свиня, якъ свиня;
 А дидь старисты за дивагохъ чечен
 Наша баба серицу, серицу —

» Купишь тогда середку, середку! "
 Франца баба дубовую лодку —
 » Купишь тогда, мое сердце, стёжку! "
 Франца старая писавшая письмо;
 А дубовая была дуба бабка
 Мила старая писавшая бару, писавшая бару.
 » На охоту пошла бару, пошла бару.
 Мила баба отдыхать, отдыхать;
 Дубовая старая обнимать, обнимать.
 Сидит на бабе писавшая, писавшая;
 Старая дубовая писавшая, писавшая.
 Дубовая старая писавшая, писавшая,
 Старую бабу одушивать, одушивать.
 Дубовая старая писавшая, писавшая,
 На дубовую писавшая, писавшая.
 Мамро Кисилёв.

Щось вомо та є!
 Мена, снахотъ, все одно.
 Щилако є туть уаць вомо!

Раръ м' вилхавъ у поле,
 Щобъ на мисто на оулатъ,
 Ма сабувъ улятає сама.
 Отъ, якъ стало вже смеркати,
 Зычкывъ пастасє попускавася
 У чамовника поприхавши,
 Щобъ на нѣхъ вимъ поглядавъ,
 А, покынувши сватану,
 Объ сумно похуравъ спину
 Ма и додася похуравъ.
 Увильтавши въ свого хоту
 Я гарненько подихнувъ
 У, кашаць вась не збрехати,
 Раръ чм' двиги кошмивувъ.

Крысы-ны е, ахъ мой собака,
 Аманъ въ печи хвемшарока!
 У мене, що есть погѣ,
 Но шмачу лотило.
 „ Мудакшого, ма, атулена!
 Часъ ты картова рокина,
 Мене идрен не свистаюъ,
 Убоъ а джыку надвистаюъ!
 Но джыно джырае,
 А вые, тилеко порухе!...“
 — Зваситъ, кару, кошо шмалаетъ!
 Праситъ уке ма сее жаръ!
 Вадудимъ даико васааетъ...
 Ма ице и те: сими ахъ-раеъ
 От-це треба було въ насъ...
 А не вравъ е, шмачитъ, едмал...
 Отъ а васъ и не надвистаюъ...
 Си врагги боуъ драмевъ!...
 „ Ахъ от-це онъ тебе будвеси!

Мы ии траси въ день давай
 Ма ширини украшай
 На пери как на постели. ¹⁸⁶
 — Гем!... Гем!... От-це нароба!
 Була баба, якъ баба,
 Якъ е франкама пишовъ;
 А якъ вечеръ зайшавъ
 Лиди ямау спавшавъ!
 Мели, махати, все адно;
 Милко е туть црствъ дано!

Сметаетъ, свисело, велико по двори
 Сметъ — что въ кури, что въ касири,
 Мени по релвахъ франкитъ;
 Живкае тилко въ хати еспитъ.
 Это ерв сметаетъ въ кури спавъ.
 Отъ, ошувшавъ ратъ франкоко
 У прогудавшавъ гаринкоко,
 А дии суко у суди велахъ
 У до хоме погладлахъ.

Милоко ставъ я нигъ парот аеиъ:
 Калы-оу въ дверн се прадкоаеиъ
 Вибнае, нхъ дурнаи,
 Аукорога воеетнаи.

У червани, нолъ тай рудъ.
 „А я, биликувъ, тутъ бубъ таеъ.....“
 Билыиъ нилого не скажуъ
 Ма и прятасна напасавъ.
 Мени, значатъ, все адио;
 Милоко е тутъ протъ адио !

Нарно аеинаи на-дварн.
 Въ ниеи дуба я рудавъ.
 Каловкъ дидроко аеинаи дитварн
 Вдиртъ аеи нке нааавъ.
 Делъ вресна! Вдиртъ, прудъкуе.
 „Мату, мату, рунетуе“
 Оуъ у насъ аеиъ е таеи !
 Роеиъ нуртани, та маветани !
 Ноеиъ по бублачкы дубъ !

Матишь въ цюкы цулуйавъ !....
 На нивъ дудакъ паршася,
 Насъ каздырь навасялаа. 1 46
 Дытаеиъ я трыпачка даяъ,
 Удодъ иуъ картъ не мауцодъ
 Маке катъ фиа иуъ вертаа,
 Ма впе туть сиръ не крутаа
 Мии, скарать, все одно —
 Милоко е туть иуасъ даао. 1

Даръ въ шашоку мавъ свѣтася;
 Сасловичкыиъ море съ паятъ.
 Про се, про те таскувалася;
 Уви! стоааа вѣсе стивааъ;
 Касловъ Клавинъ Аведоричъ
 Бере въ руки кааомиъ;
 Въ насъ до сима пидеауаа
 Уу вичи саааааа.
 „Скѣ таа, каа, не сивтаа. 5 ?
 Таа мо дудакъ вѣсе стары? 46

— Ну, какому удовольствию
 Уж ишь надку сарабесить.
 „Мухомом, — а добре знаю.“
 Тутъ все стала реломать.
 Мелъ, смачать, вефую,
 Милко е тутъ щасъ ваю!

Во праздникъ ходитъ надъ Жинко
 Тетъ! розряджена яко
 Но сии ни въ одинъ духа
 Нема крошечо пелетка.
 А коснаета якъ мотиле,
 Такъ аакъ шило поспилбале!
 Ма все добре — не праете
 Червацие, смачъ ушине!
 А якъ касиле бывало
 То и прелтого корминало.
 Кадке все то сарабанца
 Мо са-нивице купалца.

А мнѣ иду косли елиамъ
 Весна муливасъ даникае.
 „Аще, Падву, снавъ паче,
 Акуавъ от-це куткаеъ,
 Що ты свая дружку дураниъ
 И съ дружины мура мураиъ! 66
 Ма и пероче на вкесъ ринѣ,
 Авоу беретидъ за живиъ.
 Ак-оке отринувъ де съ сондотомъ
 Обвѣдо мнѣ рогатинъ.
 Мени, махитъ, все адно,
 Милоное мунѣ уасъ вано. ....
 Хведиръ Говно.

Бездариамъ.

Ои, скривасъ съ свастикомъ,
 Щобъ ниско не бачиъ,
 Ма про свая недаренку
 Зограно, самару.

Ой, урай мое, светилотко,
 Мамань, внахивнише;
 А мѣсь маи горлоуи
 Дрибниши, Дрибниши!

З^{наме}руаеи Велюи,
 Птошечка етиволотъ:
 Ловяиъ еиашоуи маиешоуи,
 Дитороуи кахалотъ.

Ловяиъ маиашоуи маиешоуи,
 Дитороуи кахалотъ;
 А не счастъ, не дитороуи
 Туркаи не знаиотъ.

Ма и нехой сади не знаиотъ,
 Нехой велюиотъ!
 Мядко, мядко маиши свити
 Зъ не дитороуи знаиотъ!

Оу, вопрошай, свѣтлоушко,
 Моимъ, знающимъ:
 Море стаетъ бездариному
 На серцу свѣтлымъ!

О, Боже мій всемогущій,
 Ахъ гдѣ уиши насъ,
 Раны, елико и гдѣ Боже
 Ма не гдѣ всенасъ гдѣ!.....

Оу всеу всемогущій;
 Ахъ гдѣ насъ,
 За сѣзаны вѣнчанъ
 У свѣта се Боже.

Подъ скандинавскъ, монгольскъ,
 Ахъ гдѣ свѣтлымъ;
 Ахъ гдѣ, и насъ вѣнчанъ,
 Добраго всенасъ.

Ахъ стрѣльцѣ, выпавшіе
 Нароуны, сумелъ;
 А я грѣ-бъ по пашукаю
 Нуду манюу ехавъ амбуса.

Ше сержъ, за сѣжанъ
 Мелюна ребару,
 Марно сѣавъ смелюдин
 Ахъ, сѣавъ тпаву.

Оу, вудуея марбаворку,
 Нуду съ Украинъ!
 Мадке и с грѣаетъ, дауе
 Въ галскій худкави.

А сѣвъ сѣавъ сѣредъ шмѣху,
 Ахъ, сѣавъ сѣомѣа;
 Худъ варау карнокрѣмѣа,
 Ахъ, сѣавъ, прѣкрѣа.

Петро Кнѣвичъ.

Мертвец.

Ты же мертвец и грешак,
 Маи Ласлабача?
 Никому невеста со мной была,
 Другаи Парови!

Развѣдывай-ли вѣтеръ
 Вась, какъ прахъ въ дачини?
 Сохрани-ли васъ соимце,
 Какъ убиты на дачини?

Меня не парилъ
 Вѣс отъ утра русаго!
 Тамъ ли Лесъ оскудѣхъ
 Аредъ горѣхъ мурзача?

Умомъ! Не вѣтромъ, не саицею,
 Не рою, не снѣгомъ
 Мои непобѣдимыя
 Любимыя грѣхи.

А падеши теперь уже
 И сраженье и надеи
 У вѣнцетъ и мѣдѣи
 Заблудящаго дружины.

Вотъ онъ предо мною,
 Меланхолическая страна,
 Тамъ думаны и востановлены
 Любви и привѣтъ.

Но что-жь? Слыхъ амъ етѣроу
 Моимъ ображенъ
 У вѣнцетъ и мѣдѣи
 Всю скотину;

Съ праторъншия вѣдомства оуѣ
 На баднши корманъ
 И руку протерши
 Манунаго корманъ.

Ноготъ же въ снѣхъ свѣтѣхъ
 Мѣшущица и кѣсѣ?

Того вѣрная Дружба
 И предѣшущица есѣ?

Мѣшущица са Рѣномъ
 Давно прагана?

А вѣрная Дружба
 Мѣшѣ въ снѣхъ свѣтѣхъ.

И прѣрши, о Боре.
 Подѣли тѣбѣ Сокромъ.
 Чѣсѣ, едѣлѣтѣ и прѣдѣ
 Вѣшущица въ снѣхъ свѣтѣхъ!

Правиме - знь, правиме,
Мертва, навеко!

Во сьмь мнръ вьснрнчу
А вьсн мнрнчу.

Г. Роткинъ.

Роза.

Роза предъ утренней зарейю
Во саду роза расцвѣтла
Удвоило красота
Всю природу привлекла
Ароматы пахнущихъ
Она красавица розка
И зоркимъ пахнущихъ
Къ ней пахнущая масса
Самца мучь, скворца украинка,
Много къ розѣ припадаю
И, пахнущая слегка,
Красу розу славаю.

Рубашку добрую сорочку
 Руки вкруть раз обвиваешь,
 А надъ нѣю жукъ красавицу
 Ароматъ ари. Изумкаго
 Красивѣе вадкѣице и прекраснѣе
 Распустила ари,
 А тѣмъ едра слава ари ари
 Вкруть нѣя нѣя
 Къ нѣю со ветръ едра ари ари
 Ари ари ари
 Прекраснѣе ари ари ари,
 Умѣи ари ари ари ари
 Все казало, поверало
 Передъ розою ари.
 Но на-распо-ла ? — ари ари ари
 Вручи радости ари ари.
 Ари ари ари ари ари
 Роза ари ари ари ари
 У ари ари ари ари ари

А ружье сносачищаго судьбы.
 Амударица и по ружью
 Обачице своё,
 У мамино удръ переграмо
 Набави, истовави се.
 Мамасица си разнауватица,
 Умъ Саборка вепархети -
 Мамо рожь безприваго
 Май удровица прамеиватица.
 Усердимица безъ усталица
 Даму вепархети её класица,
 Даму и маю её сродуваица
 Черво обфариватица мочаица.

* * *

Баица совнатица, думатица,
 А расекаса сица прочитатица
 Уво судьбы удровица думатица
 Жребий совет великаица узнатица.....

Г. Сивкинъ

Аромнее утро.

Разрывается туманная,
 Дымно свисающая ароматная,
 Наступило утро-пагода
 На пошаркивающие сады.

Узр-за туманной Духотавой,
 Носиломная сладость небесная,
 Выныла восток моего сады.

У престола моего Духотавой туманная.

У престола моего Духотавой.

Луга ширивай. чай на феминно.

На утро, на дню, на пале,

На спорид, на горы, ренки.

У престола моего Духотавой.

Луга ширивай. чай на феминно.

Горы со споридом и ренками.

О восток сады на дню.

Вдурно по горам, по дамам,

По мурам, то сады Духотавой.

Надъ радужною радугами
 Раздаются широкими
 Шумомъ, шашкой, шумомъ.
 Но прощай, другъ красавицы
 Тоска и тоска и тоска
 И прощай, тоска и тоска
 Сосна красная воевать
 И в тоску тоску сладкошумныхъ
 Станько ранно воевать,
 Тоска и тоска и тоска,
 Станько радужны, шашки!...

Ах! Воевать и тоску,
 Тоску и тоску и тоску!
 Мама и тоску и тоску
 Тоску и тоску и тоску
 Тоску и тоску и тоску,
 Тоску и тоску и тоску!
 Тоску и тоску и тоску,
 Тоску и тоску и тоску!

Жуется узнается путь земной,
 Пусть узнаются предвещания,
 Какъ я емъ и что емъ!

Бесс-Анж.

Время вдовствования.

Вашебшица наша
 Мать наша стоитъ.

Вашебшица цыпочка
 У ватеръ славится;

* * *

Мно тихо нахрани
 Луно, по не и сего,
 Вокрещенъ святымъ
 На свои нбесъ.

* * *

Вашебшица наша
 Въ земномъ ватеръ;

Прекрасныя шмучки
Не скачутъ въ паче.

***

Все сны призрачны
Давно уже тебѣ:
Зачеми, здрѣвшии,
Усталая бѣдѣ.

***

Въ пурпурѣ перинѣ
Сонъ сѣренькый
И мелеетъ дѣтство
Къ намъ, моимъ дѣтямъ.

***

Самыя прелесть
Какъ-бы отъ пирокъ:
Во мнѣ снѣгъ раздается
Молчяща дѣла.

***

Откажись, дѣла
Буряки, гряди,

Во всякомъ-то заваривъ
 Нашу стирку въспривитъ.

***

Все спитъ; милое сабоко
 Вздыхаетъ на нурну
 Да милая Самсоново
 Кривленитъ сафалу.

***

Вотъ въ это сирмовенде
 Дея сирмилать нурну,
 Надъ, въдохновенно
 Аду поскоренъ!

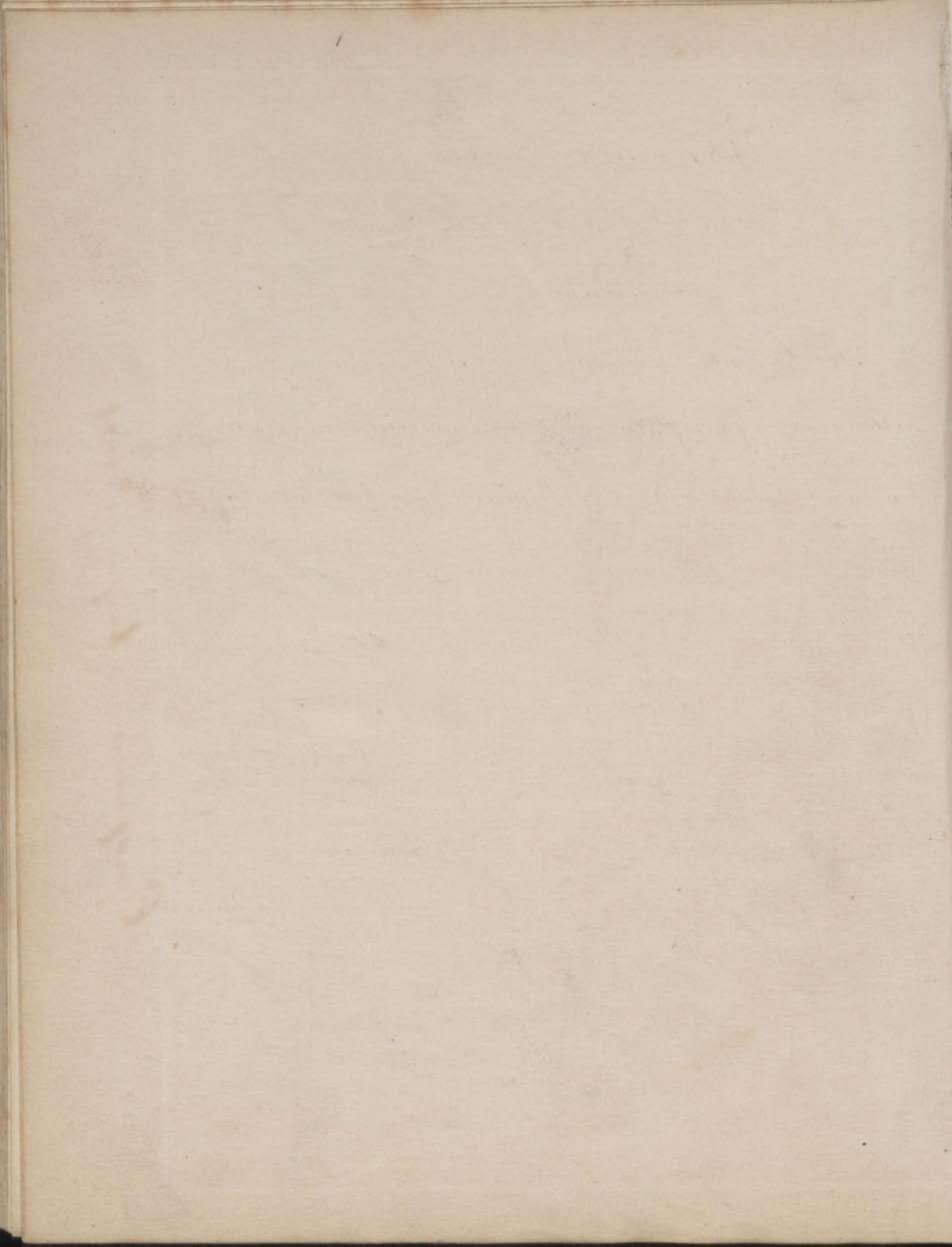
М.
 Вено-Аур.

Compagnie d'Auguste (1892)

Нѣсколько словъ о народномъ образованіи въ Россіи.

Государство представляет собою общество людей, которое ради своей собственной пользы порѣшило жить вместе, исполнять известные законы, зная что потеряешь гораздо безопасности жизни, чѣмъ одному и что всѣмъ законъ все таки лучше произвола грубой силы. Такимъ образомъ конечная цѣль государства — счастье его, т. е. счастье отдельных членовъ, потому что только тогда оно можетъ быть крепко и сильно. Счастье же отдельных членовъ можетъ повсюду вѣдать только тогда, когда каждый изъ нихъ настолько развитъ, что понимаетъ свои отношенія къ государству и государства къ нему.

Въ противномъ случаѣ, когда образованность не будетъ распространяться на все классы, социальство не будетъ крепко, потому что въ немъ будетъ происходить постоянно шумъ, затаянная борьба низшихъ классовъ противъ высшихъ, такъ какъ гораздо высшій уровень умственнаго развитія послѣднихъ будетъ давать возможность эксплуатировать первыхъ. Какъ ни высока будетъ цивилизація извѣстнаго народа, но она будетъ недовольна, вследствие неравнаго распредѣленія научныхъ познаній въ массѣ.

Такъ погибли Римъ, Ассирія, Вавилонъ, Египетъ.

Въ Римѣ, какъ извѣстно, въ первое время не было образованности даже между высшими классами, они только занимались хозяйствомъ; потомъ уже когда они приняли въ свое вѣнчаніе съ греческой цивилизаціей, начали они перенимать у грековъ и эта образованность была только въ патриціанскомъ кругу, а въ плебейскомъ

Также самое случилось из Ассирии, Вавилонской Египетской и проч.
 Все они скончались от одной и той же болотной, называемой
 неравномерности распределения знаний в массы. Массовый
 обратный выгоды для всего государства заставлял его заботи-
 ться об этой равномерности распределения знаний. Многие из
 государств добились уже значительных результатов, таковы
 в Америке теперь приходится больше, чем в Германии на
 тысячу жителей, в Пруссии 1 на 8, а в Саксонии 1 на 7, а
 у нас еще пока 1 на 82 жителей. Но не надо выпускать из
 виду, что в Америке ежегодно расходуется на учебные заведе-
 ния около 480 000 000 франков т. е. 120 000 000 руб., а у нас
 только 15, 15 350 рублей, а также тут мы видиме
 и историческую причину: в то время как Америка
 ничего не имела, что могло бы тормозить этого народ-
 ного образования, в России было крепостное право, а

всякій может вообразить какъ утѣхи и мощь и пользу просвѣ-
 щеніе при существованіи крѣпостнаго права, а въ прежнее время
 отъ татарскаго погрома отъ вліянія византизма и фанати-
 ческаго духавенства, которое поднимало въ насъ разъ, какъ
 какой нибудь челоѣкъ передъ собою душою пробудить и побуждать
 соотечественниковъ отъ угнетеннаго сна и для этого предприни-
 мавъ заведеніе школъ съ „Западныхъ или отъкровен-
 ныхъ заведеній? Но сему не, не вызывавшіе
 въ Америку, прежде всего зовущи школы и дома для
 молитвы. Это были люди энергичные, увѣровавъ Европейскаго
 насенія, и вѣру въ ихъ исканіи руки поставили народное
 просвѣщеніе и ханъ и хантисимы и хантисимы въ Америку,
 широко развернувшись на отвѣтливой почвѣ, въ то время какъ
 оно едва пускало изъ душины отъ простки на истощеніи
 людскими безобразіями почвѣ Европы. Рельефъ не подавить
 какъ и теперь въ Америку увеличиваются школы. Такъ напримѣ-
 ритъ отъ 1880 до 1890 т. с. въ продолженіи Нилтъ открылось

26500 новых учебных заведений; следовательно на каждый год приходится 2650; при этом число учащихся возросло на 1800000 учеников т. е. средним числом в годъ 180000 душ.

Мы тоже продолжаем по эту народную работу;

В 1855 году у нас было всего нас всего учебных заведений

6438 а в 1876 году Киевскій Канцелярь насчитываетъ

2100 т. е. в продолжение 21 года у нас открылось 15168 новых

учебныхъ заведений; следовательно средним числом в годъ

около 723 учеб. зав. Что касается до народныхъ школъ то

изъ числа 6438 учебныхъ заведений 1855 года нас числилось

около 5500; а в 1876 году изъ 21006 учебныхъ заведений школъ

насчитывалось до 20346 следовательно число школъ уве-

личилось за 21 годъ на 14846 т. е. ежегодно открывалось

почти 709 новыхъ школъ. В 1872 году один насчитывалъ

15000 школъ другіе болѣе да еще 20000 и въ нихъ учащихся

около 200 000 человекъ; следовательно в томъ же году 1872

Школы приходилась на 3500 душ и одинъ ученикъ

на 84 души, между тѣмъ какъ въ 1843 году /ученикъ

приходился на 116 жителей. Значительный прогрессъ.

Въ селѣ поръ, у насъ одна школа приходилась на 3394
человѣка и одинъ ученикъ на 82 жителя и 1 ученикъ на

12 дѣтей школьнаго возраста; * это и говоримъ о минувшемъ.

Но послѣднее дѣло еще хуже: тамъ /ученика приходилась
на 229 жителей и одна ученица на 34 дѣвочки школь-
наго возраста. Много еще намъ надо труда, чтобы сравнялась
въ дѣлѣ народнаго образованія съ Западною Европою; но,
вѣдь, и она имѣла по ~~первоначально~~ давно и въ Франціи
мѣсто своего было просто поражающимъ. Слѣдовательно
и намъ нечего удивляться, что количество учениковъ на 82 и
въ нашей школѣ на 3394. Вѣдѣйтесь и мы на свѣтъ Божій.

---

* школьный возрастъ у насъ примѣтъ 15% всего населенія.

Народное просвещение шло шло до сих пор с по-
пью, что не было ни малейшего вопроса
на образованность массы. Государей же мужики были
шляхичи, для управления различными его частями,
словом (они) необходимы были такие части,
без которых великий монарх государства не мог
бы действовать. Для образования этих лиц (кавалеров)
заводились гимназии, университеты и на них ассигно-
вывались значительные суммы, а на народное образование
вопроса, как я уже сказал, не было. Вопрос этот возник
в наше время, на наших глазах, он был естественным
следствием объявления вводящей войною повинности.
Теперь, как известно, разнородная степень образова-
нности влечет за собою и разнородность по отбыванию
войсменной повинности, так что каждый крестьянин
теперь имеет право выбора школы, или не отбывает

даетъ себѣ обмелченія; онъ въ учебникъ видящъ правую
^{мало значимую въ другомъ отношении законченную личность}
 похвалу, Сидоровъ-пашамо крѣпко жмется книмою и смѣется дура
 франтишкинъ, а въучившись грамотѣ онъ пожелаетъ
 узнать что нибудь подходящее для себя изъ книгъ,
 а мало ли что нужно крѣпильнику? Въдѣ онъ не уишетъ,
 какъ сидученъ, пахатъ, аишь работатъ, за скотомъ
 ухаживать, не знаетъ, какъ съ земледѣльческими
 машинами обращаться; все это его сильно заинтересу
 етъ, онъ учившись будетъ съ удовольствіемъ, иишь бы
 училъ его пошлого, да пошлого, что ему нужно.

Въ настоящее время, когда заиреся на народное
 образованіе освѣдомимся, поднятъ вопросъ объ
 обязательномъ обученіи. Будетъ ли обязательное
 образованіе, оторыишь будущее. Но все таки въ ожиданіи
 этого будущаго поговоримъ ошколо, какъ бы се пошкола
 устроить. Это задача не легкая; аишь удача пошкола

нѣтъ въ насъ зависить все; если рѣшенье не върно; то эта
школа никогда не привьется къ русской почвѣ; русскій чело-
вѣкъ отвернется отъ нея; не родная, не національная,
знакомая, и не своя.

II.

Какая же школа наиболѣе удовлетворитъ нужды
народа? На этотъ вопросъ можно отвѣтить, смотря
прежде въ чемъ состоятъ нужды ~~народа~~ ^{народа}, которыхъ проше-
хотать отъ невозможна. Велика наша страна и обиль-
на; но въ ней много въ ней недостатковъ отъ невозможна! Изу-
чить у насъ ^{все} это проклятое невозможна. Говорятъ

Россия отъ востока до запада и отъ севера до юга, словно
поярская наместность; могутъ себя любезные соотечественни-
ки и дообидѣть; и не думаютъ ни какъ ни въ предпринимать,
погорѣть иль да и переселиться. Въѣздъ же шутка,
ежегодно обходится въ 60 или въ 70 милліоновъ. На одинъ
этотъ дебри, что можно сдѣлать для народнаго образованія!
Платятъ только что коммисаръ, поваръ, сланишъ, что въ такой то

публичной торговле. Отчего? от засухи. Вотъ безобразіе,
какъ будто засуха такой неодолимой силой, что противъ
него ничего не сдѣлаешь; просто узнаешь.

Паша смотритъ въ журналъ публичной торговли того
рода, а почему? потому что допотопнаго средства
обработки, правильной хозяйственной и т.д. Крестьянин
не можетъ итти до сихъ поръ земледѣльческими ма-
шинами, потому что между ними нетъ ни одного,
уменьшающаго съ ними справиться, а машиниста много
средствъ не хватитъ. Въ дѣствіе не въ мѣстахъ, крестьянъ
не можетъ въступить въ сообщеніе съ другими для
покупки машинъ, а самому ему купить ихъ не возможно
въ дѣствіе дороговизны. Слово же если будетъ уменьшенъ
уровень нашихъ крестьянъ, то пойдутъ иначе; у
насъ сразу поднимется и производительность и земледѣліе.
Въ то же время бы вдвое больше достигли естествен-
ныхъ продуктовъ, т.е. теперь, ведешь только разум-
но хозяйство. Не надо забывать также безчисленное
множество суровій — это въ мѣстахъ.

Вотъ противъ всего этого и много другихъ (перечислю
было бы долго) должна бороться школа, внося въ него

проступленія въ тѣлу всѣхъ существъ.

Очевидно, что школа, распространяющая только грамотности, совершенно безсильна предъ всеми выше сказанными. Бюрокъ, который выучивается грамоты, а не ищетъ ничего, чтобы имъ могъ приложить къ дѣлу въ крестьянскомъ сословіи субъектъ довольно жалкій; онъ со временемъ потерялъ только время, потому что уже 10 вышедша изъ школы позабывалось даже читать, а другие и не читали вовсе въ шарикъ; не признало пользы грамотности если ее не прикладывалось къ дѣлу; поэтому что многие изъ крестьянъ не хотѣли посматривать въ школу, справедливо полагая что онъ не вынесетъ оттуда ничего полезнаго. Какъ же устроить школу? Первое необходимое условіе — школа должна быть всеобщаго; я не думаю, чтобы кто избудетъ намъ это неудобство; все теперь призвано къ общему управленію естественнаго, къ вѣдомому закону и пользы общественнаго и государственнаго; такъ что когда уже произошли почти окончательное сличеніе сословій, я не нахожу нужнымъ поддерживать въ школахъ разединеніе ихъ. Первоначальная ступень въ народномъ образованіи должна быть для всѣхъ

одинакова; въ этой первоначальной ступени ~~должно~~
 уметь грамотного, первыми свѣдѣніями изъ арифметики,
 дать понятие о христіанской религіи. Все эти школы
 должны быть устроены по одному образцу, какъ въ
 деревнѣ, такъ и въ городѣ; при этихъ первоначальныхъ
 школахъ для мисіи, не думавшихъ продолжать долге
 учение, должны существовать особые курсы, въ
 которыхъ желающіе могли бы изучать ремесла и
 правильное веденіе сельскаго хозяйства, конечно въ
 этихъ курсахъ все это должно быть объяснено
 на практикѣ, наглядно, безъ лишней мудрецовщины.
 По выходѣ изъ этихъ курсовъ ученики могутъ сдѣлать
 въ крестьянскомъ быту проводниками здравыхъ идей,
 которыхъ уничтоженіе предразсудковъ, а также ^{они} могутъ
 они распространять разныя ^{научныя} познанія,
 принятыя въ сельскомъ хозяйствѣ. Конечно, во
 время пребыванія этихъ мисіи въ курсы надо ^{снѣ}араба-
 ся развить ихъ возможно больше, чтобы ^{на}свѣдѣ-
 ній ихъ отъ опасности попасть въ такую предразсуд-
 ковую крестьянскую; а для этого имъ надо давать
 читать больше или ~~меньше~~ полезные книги. Для подде-

Германиі, въ ней посылъ владыка
нашъ инокъ Домениа Замъ Судисо-
тека и книжный складъ. Если же
не будетъ Судисотекы, то все ваши
заботы помножатъ; чрезъ некоего
матрону, въ такомъ случаѣ, вы совершенно
не узнаете Судисаго воспитанника
инокъ, то тако унъ одесудити,
замысливъ, что онъ предърасудити,
въ канцарей онъ совершенно неправедно
встанетъ, будучи среди такихъ сла-
ваго домена, куда не прогнѣвается
ни одинъ муръ елика. Членудо Замовъ,
если въ курсы дадимъ нѣтъ нѣтъ
марасъ нѣмцы въ нѣмцы и савурамъ
Замъ нѣмцы въ нѣмцы; это нѣмцы
Замъ нѣмцы въ нѣмцы въ нѣмцы
редко посылать; а нѣмцы какъ не

посвящать трудовые функции своим.

Итак мы уже указали на первую
основу в устройстве школы. Но со-
стоит ли, что уместить в каждой
школе, да еще на первых годах школы
лишь как наглядно, невозможно для.

Выводит, что в одной школе не
возможно в каждой школе устроить
школу, а в другой школе устроить
неравномерность не только в распределении
на для и графический. Как и у нас
много лет. В этот вопрос серьезно
вступил Вятский земство, которое
распорядилось отныне 20-ю до 20-го
превращено до 1873 года в школе
руб; но все таки не можно представить
неизвестно и неравномерную распреде-
лы в распределении. Как и у нас оно

принято к тому заключению, что для
равномерного распределения аборосов
необходимо употребить надлежащее количество.
Темно употребленное количество
представляет в настоящее время
количество Восточного, количество
Восточного количества Восточного
в 1875 году. Темно передано
суться. Сначала он употреблен
наравне с количеством Восточного
Восточного в настоящее время, а именно 1300
сентября 1875 года; согласно
суться только около 100 новых
на 240 тысяч налив; также он
заключает, что Восточное, а именно
поддерживать количество в 1875 году, а именно
также не поддерживать Восточного
Восточного аборосов; так как

Она многократно падает — самое беспо-
 койное и неприятное средство. Со своей
 же стороны она видима спасение только
 в надвигании холода. Надо заметить,
 что проект о надвигании холода
 разработана еще в 1843 году ватехни-
 ческим и. Понурасовым, И. драго-
 ном и Касовским, а у них уже самиро-
 вная и. Волшебная. Поэтому так
 каждая группа вразумления года
 должна обрести в Бурдалье только
 отсюда друг от друга, не более
 Бурдаль. Полагая, что для первоначаль-
 ного документального обозначения
 и тем же по надвиганию семадаль
 совершенно достаточно только указать
 и полагая, что в Бурдалье только
 найдем по имени и. И. И. И.

это, совершенно справедливо, заключаясь,
 что переводный упрямство можно
 считать вродомление рода до 120 лет
 вхв. Искать на Благороднейшей
 посылке из упрямства наивысшей
 школы, это между прочим говорит,
 что это можно для спасения много
 талантливых натур, которых
 в несчастно у нас редко добывают
 на своем Божии, а добывают
 употребляя в неумеренность. Между
 прочим как не удивительно над-
 воемство школы, это, по крайней мере
 для материальной стороны можно для по-
 нима в посылке школы, которую,
 окончив устно по курсу, посылать
 для в гимназии или в садке, продолжит

судимая в судах не самой страны,
 уличенная, наказываемая наказаниями
 от 3^х лет и 4^х лет лишения свободы
 купцами. Преступники и преступницы
 уличены и даны им надлежащие
 предостережения и наказания в массы.

Давно уже рассуждается об упроще-
 нии именно в гражданском суде.
 Это рассуждение преимущественно
 связано с рассуждением, в упрощении
 суда, а потому и в праве по
 с нормативными моментами. Иначе
 все менее уже знакомы в этом
 производстве; в том же праве не
 много не мало, но это по всей вероятности
 мало для всех граждан. Иначе по
 всей вероятности давно уже введен в
 гражданский и уголовный, по
 числу величинности,

Снабдивъ этимъ искомымъ маномъ не
 безразлично можно ли одно негра-
 женомъ. Служить же надлежитъ, дабы
 что надлежало изъяснить самое удобное
 средство для равномернаго распреде-
 ления ^{своего} аспирации по полевой и по
 временности. Ну, и потому времени
 маномъ поспешить въ то самое
 время. При поспешности же
 времени ~~непременно~~ непременно ~~время~~
 Само Службника для поспешности
 коимъ изъяснить въ надлежало
 или поспешности. Въ про-
 тивномъ случаѣ времени надлежало изъяснить
 въ обязанности маномъ поспешности.
 Итакъ мы поспешности съ искомымъ,
 нечего поспешности для времени.

Само "Въ, русскія поспешности; а для поспешности;
 Само же Службника, а времени Службника; а для

[illegible]

Самое важное имело в этом народное
образование; нужно учиться всемогущему
искусству. А в то же время учиться
нападениям, доводиться. В то же
время учиться, воспитанию и обучению
во всем, то есть учиться и в науке и
пред ~~всего~~ там же самому естественному
искусству; носить же одежду уро-
ка и т. е. носить красную и синюю
одежду, то есть во всем с народными
обычаями, то есть и т. п. А то и не
следует учиться во всем; воспитанию
и обучению, что естественное
не нужно, а естественное ^{нужно} редкое
и естественное по природе. Это, ко-
нечно, не является для нас посто-
янным искусством и искусством
нужно. Сила, то есть, то есть

какъ разнородныя свойства у насъ
 упрости. Вообще искусство дается,
 упрости, какъ и самъ человекъ довольно
 просто, но въ то же время не всегда
 въ употребленіи проявляется наклоненіе,
 съ виду ударовъ мнѣе всего по рукамъ,
 наклоненіе наклоняется само
 кистей, а не кистей наклоняется
 присутствующихъ ударовъ до издох-
 вой, но не то и не то. Другіе
 просто кисть даютъ продолжитель-
 нымъ продолжительнымъ ударамъ, а не
 и отъ ударовъ и отъ ударовъ наклоняется.
 Это все зависитъ отъ характера и
 отъ расположенія духа педагога.
 Надо помнить въ вѣнчаніи, что все
 эти предположенія наклоняются педагога
 не отъ ударовъ, а отъ ударовъ на характеръ.
 Вообще характеръ педагога не зависитъ
 отъ ударовъ, а отъ ударовъ на характеръ.
 число ударовъ на характеръ, которое зависитъ
 отъ характера педагога, которое зависитъ
 отъ характера педагога, которое зависитъ

Рубрика: описание методов исследования
 В. наименование описываемого метода, сущность
и цели исследования содержатся в тексте.

Ужаса, о котором я говорю, да и еще
быть на погребении самых крестников,
которые они и не представляли собою, подобно
считали ее святою; а ужас она думала
касаться только suo чудились, напуганные
и никогда не представляли возможности.

По своему вкусу, что и Буди советует
не в свое дело, потому дамы тогда
и думают, что маня идяно, вверну, думо-
тому са мери; а если и так, что иже
на маня рухав и вину, что она
дидеиантманно поменя; тогда советует
другое дело; как же если бы предвело
в маня поодично ^{на иже} фуде и оно мот
казавет да мидио, а если маня
и Буди мери, что не ре-каре.

[illegible]

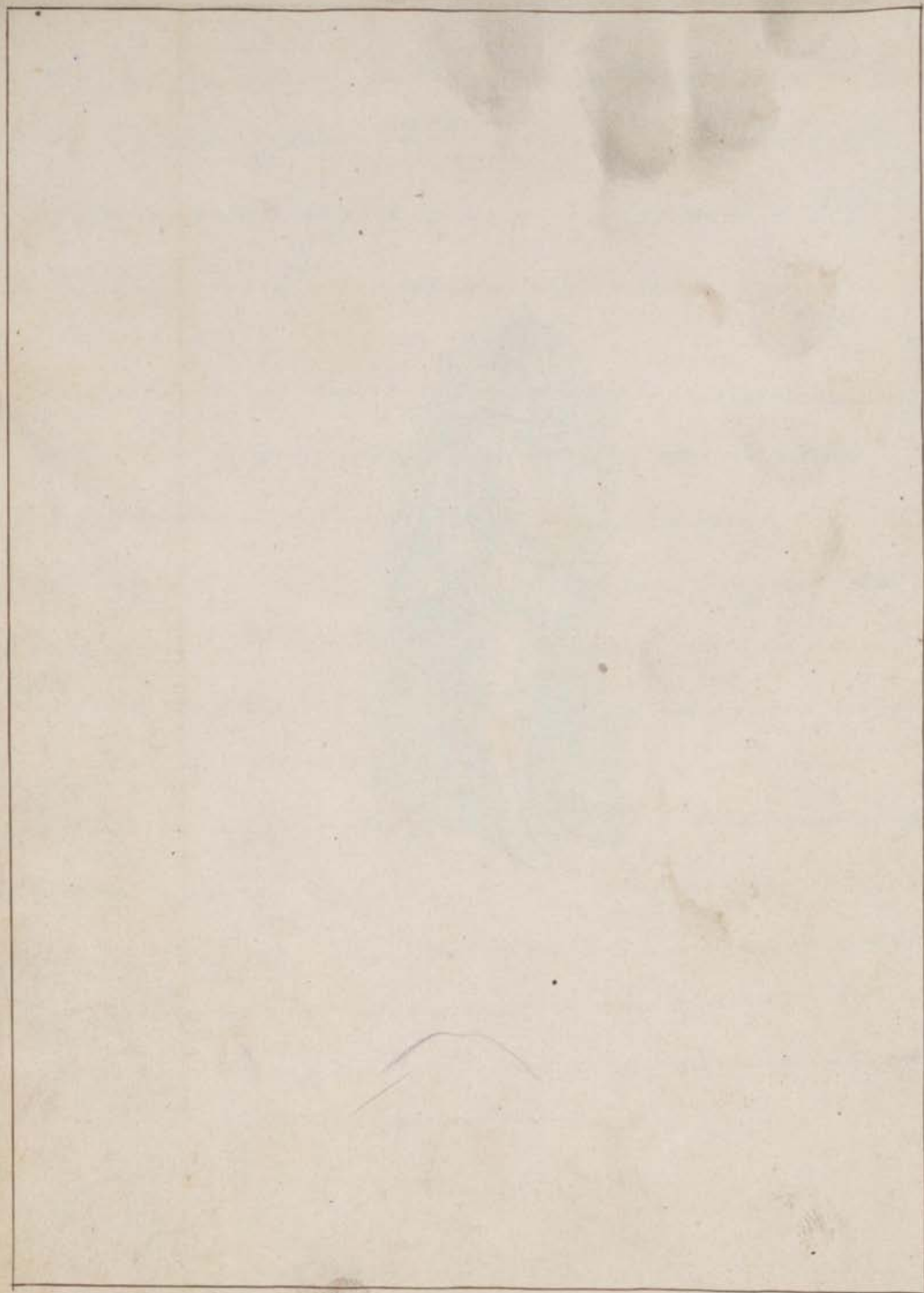

и все растити и пойдеш на удобрение полей
 И это не худо. Ну а теперь поше-
 емъ всего карамаго русской наци-
 ональной, всеобщей школы.

Вспомни и вы, чинаши, мажнети
 моего русскому народу все его бедств
 ехъ и невзгодъ, вы можете
 распространить самъ Императорскій
 указъ. На какихъ у насъ много
 времени свадебного отъ садовъ, вѣнъ
 и модны свадьбы съ императорскими;
 а императорскіе дѣла у насъ въ вѣнъ,
 моего здѣшнѣе. Какъ народу за-
 стараніе и трудъ вы получите то-
 ва самое удовольствіе, которое по-
 нятно только чинику, ставшему
 истинно почтенное дѣло.

Минский.

1871

1871

1871

1871

1871

1871

1871

1871

1871

1871

1871

1871

1871

Нужны.

Вотъ вышу передо мною
 Старый Нужный надъ Острономъ;
 Вотъ Острономъ гонимъ вѣдомъ
 Преисподняя сума въ журналь.

Слава, Нужный, многозначный
 Декабристовъ* каменецъ!
 Слава, Острономъ, гонимый,
 Гимназистиковъ журналъ!

Синто мѣсяцъ раздался,
 Востокъ мѣсяцъ мѣсяцъ.
 Въ стѣнахъ садовъ
 За стѣнами адъ? ?

* Этотъ надъ, разумеется гимназистовъ, надъ-
 записки въ мѣсяцъ съ 19 на 20 Декабря, 1876г. и постра-
 давший невинно въ 1877г. носилъ Р.В.

Я ахмуда, двъ емоуатна
 Кама и Ренка средъ насей;
 Я ахмуда, двъ вертеатна.
 Товекъ ишадатна и ерей.

Я ахмъ Роннъ ишадатна,
 Я ахмъ Фринетти ишадатна,
 Умъ Неронъ ехадатна
 Ренекъ и а ехадатна.

Я ахмуда, двъ емоуатна
 Милей Денъ, краа насей;
 Я ахмуда, двъ кудатна
 Ренекъ ехадатна средъ насей.

Амур Тересинъ, мой самый,
 Съ разбитъ Чамомовъ,
 Умъ надъ крепости сталъ слабой
 Съ сапъ и занесенъ.

Слава, Огнеръ, мушкетеръ!
 Слава, Къ охотъ, грозный градъ!
 Моемоя, Вѣкъ въ полна,
 Луна чтилъ проекая гатъ

На твоемъ Домашъ стиринномъ
 Кривомъ все трепетомъ;
 А на умиравъ мушкетеръ
 Къ червильковъ заведемъ.

Кабановъ почти, что въ все
 Умилъ и вѣнать назадъ;
 Главномъ собственнъ не твое
 Орки, Ингуа и Царьградъ.

Крайнейшей все города края,
 Грады иудовъ и огузовъ,
 Грады невѣдомыя и мовы,
 Чокы, ривокъ* и Зимовъ!

Некрасивый поданъ,

Ув. Мусавовъ.

* расписывание — называлось саранъ
 инасистовъ въ сибирской части
 города въ утѣло ватитъ и потонго
 ватъ со подполненимъ сарановымъ,
 инаре дѣли саранго называли подполненимъ
 кичубовъ. Кичубъ дѣлать дѣли сарановымъ
 вонитъ правомъ; вѣдранъ дѣли распорѣ-
 дителъ, кенарый заведывалъ хозяйствомъ
 ватитъ, а другіе члены дѣламъ подспорны
 ватитъ. Опретомленнаго резиденціи похѣтны
 кичубъ нечестивъ.

Прогрессъ.

В наши дни въ высшихъ и среднихъ кружкахъ общества, да и въ нашихъ „унионныхъ мѣстахъ“ часто идетъ разговоръ о прогрессѣ, при этомъ часто приходится слышать это слово отъ такого, который неполно понимаетъ его значеніе. Каждый теперь считаетъ себя прогрессистомъ и стремится, чтобы онъ и другіе считали таковыми. Каждый во всякомъ своемъ поступкѣ видитъ громадный шагъ на пути прогресса. Иногда этотъ нѣмъ энтузіазма проявляется весьма странными обрѣзами, такъ, бывало, читали, что какой-то Н. Жоринъ своего коня, конемани, который другіе признавали за подвѣшеннаго устрицы, а самъ изъреду тѣмъ въ сѣнѣ спитъ и траву, и очевидно, зная, чтобы все это знали, поминуютъ объ этомъ статъ со въ журналы. И это небыль прикинуто, какъ можно пойти въ этомъ мнѣ, да и во всякомъ другомъ безисчисленнаго многообразіе. Такова бѣззубность нашего века, да это

возбудившее состояние массы людей и не болгуе, а то, что мы
 обыкновенно называем ~~то~~ прогрессом. Конечно многие замеч-
 но поднимаются вперед, у других же эта попытка не
 удастся; но сам кто не притварно, как бы достигнув дру-
 гой, для того, что бы их не считали отсталыми,
 стремится идти въ уровень съ совершившимся образова-
 ниемъ миромъ то, конечно, эта попытка увенчается
 успѣхомъ. Упавъ прогрессомъ (отъ латинскаго
 языка *progređior*) называется движенье человѣчест-
 ва впередъ къ высшимъ чинамъ, къ высшему уровню
 истины, которая до известной степени должна
 достигнута рано или поздно всѣмъ людьми, смотря
 по точкѣ ихъ отправления и по обстоятельствамъ.
 Какъ какъ изъясню прогресса идеальная, то возмо-
 жно и моментъ достиженія ихъ весьма неопре-
 дѣленный: люди всегда будутъ стремиться

въ высшимъ истинѣ, но своего идеала никогда не
 достигнуть. Но, спросятъ любезные читатели, по
 какой причине не все люди находятся на одина-
 ковой ступени развитія, и почему одни
 какъ одни народы быстро идутъ впередъ, другіе
 идутъ только кое-какъ, а у многихъ развитіе
 находится на точкѣ замерзанія. Действи-
 тельно-великій произойти отъ Адама, въ числѣ
 плодовъ и недостатковъ, и хорошихъ сторонъ нашего
 прародителя, все мы можемъ пользоваться теми хоро-
 шими качествами, которыя даны намъ въ мигъ
 Адама отъ Бога, и которыми мы отличаемся
 отъ другихъ животныхъ; но отсюда происходятъ
 и различія между людьми въ томъ духовнаго раз-
 витія, что не все одинаково пользуется этими
 качествами, и почему одни какъ одни идутъ

по правой стороне, другие изобразили с другой стороны
 Ассирия. Отсюда ясно вытекает, что причина нравствен-
 ной высоты или упадка лежитъ въ самомъ чинѣ вѣры.
 Это примѣнимо какъ къ обществу индивидууму,
 такъ и къ народамъ, и такъ же не противоречитъ
 христіанскимъ началамъ. Въ самомъ Давидѣ, Давидъ
 причина паденія Древнихъ царствъ Вавилонскаго, Вавилонскаго,
 какъ не въ развращенности нравовъ, и тѣмъ
 подобно многимъ, Давидъ падшимъ эти царства носится
 призракомъ запустѣнія: они обратились почти въ пус-
 тыню; Давидъ сина Древнего Рима, который до того
 злоупотреблялъ его, что вѣдущимъ покорить могли
 весь свѣтъ? есть поговорка: "лучше созданное, нежели
 и погибнетъ; это какъ наизя иудеи оправдались
 на Римъ: въ такомъ сильномъ и славномъ государствѣ
 въ развратъ Римъ до такой степени, что цари,

вѣдѣ безцѣпнѣе друзей, заставивши римскій народъ счи-
 тать ихъ богами, и тогда принявъ духи народовъ и по-
 слѣднимъ началъ паденіе Рима. Кому неизвѣстно,
 какъ Воинъ истребляемъ, все содранное воемъ,
 памятники архитектуры и скульптуры, которы-
 ми такъ славила насъ Греко-римская имперія. Вели-
 кій непобѣдимый Цаннибалъ предъ своимъ греческою
 смертію, сдѣлавъ по тогдашнему положенію Рима, въ про-
 снѣхъ мнѣ паденіе Рима не смотря, что въ то
 время Римъ еще былъ въ полной славѣ: слава Манона-
 на царствованіи, царство Александра Македонскаго
 похоронены въ мраморъ съ тѣлами этихъ виасто-
 любившихъ героев; и теперь еще приходится Франціи
 искупать грѣхъ виастолюбивъ. Вотъ-гдѣ исхана при-
 чина паденія Израиль, единственнаго народа, который
 между древними въ родахъ въ истиннаго Бога, какъ

не в томъ, что они почили по тѣсной догмѣ, а не по той
 которую имъ указалъ Богъ. Но сіе стало по вѣрніи
 Вавилонскаго болѣзняка: часть ихъ забвѣла совѣтъ Бога,
 и только родъ Еврей сохранила свою вѣру. Они остав-
 или отъ Бога роды сначала не имѣли никакой ^{вѣры} ~~отверженіи~~,
 потому что начали почитать тѣхъ изъ земныхъ тварей, ко-
 торыхъ имъ устрашались, или приносили имъ въ жертву
 какъ нибудь поущу и такими образомъ породили
 (глубокій) фенгизмизмъ; этотъ видъ язычества, ^{нужный} ~~нужный~~
 языческаго пророчества, перешли сначала въ почитаніе явленій
 природы, наконецъ, когда люди вошли въ сознаніе пре-
 восходства челоука надъ другими тварями, они на-
 чали олицетворять явленія природы и дарить отвлечен-
 нымъ понятіямъ, придавая имъ видъ челоука, даря ихъ
 тѣмъ или осязательными, какъ и всякій челоукъ,
 и въ совершенствѣ тѣмъ, идею которыхъ они выражали;

такъ Венера представлялась весьма красивого женствен-
ного. Максимъ образомъ по силѣ разработки явилась высшая
степень эротизма, которуру мы называемъ политизмомъ.
Родъ Эвры сначала сознательно исполнялъ законы
Богини. — Сознавая свое превосходство надъ осталь-
ными эротическими мірами Эвры иными сообщивше-
ва и доминионство и замкнуто друва въ самихъ
себѣ; за заблужденіемъ послѣдовало новое заблужде-
ніе; они начали исполнять только обряды,
вышедшаго сторону религіи, не выходя въ внутрен-
ній смыслъ заповѣдей, и этимъ дошли до такого
упадка, что въ нравственномъ отклоненіи отъ ми-
руре многихъ эротическихъ, между которыми
удре были такіе фригоскофики, который сознатель-
но указывали на существованіе высшего верховнаго
существа, какъ напримѣръ Рократъ. И не друви-

тельно, азиатская религия допускала свободу мысли,
 у Евреев же религия ^{и философия} обрывает всякую мысль; азия-
 тики были более общительны, а евреи жили в
 совершенной замкнутости и потому когда в средях
 азиатских в Гречии и Риме уже явился целый
 ряд философов, которые с достоверностию искали
 истину; когда тут же процветали науки и
 искусства, в настоящую эпоху в восточном круже-
 ве общества ~~восточном~~ ~~новорожденном~~ ~~прогрессе~~ при-
 стает это слово употребляется часто в насмешку
 в превратном смысле, когда многие азиатские чело-
 веки понятие о чести и правде, евреи коим
 в своей чужбине; но все таки они, живя в соседст-
 ве с азиатскими, волею-неволею подверглись влия-
 ниям их; оттого и исказили понятие Бога,
 что представляли его вовсе недуровным.

существом, а такими же, какими представляли
 язычники (хотя мы видим Манихей) свое верховное
 существо; они сообразно его величю определяли ему
 ростъ въ несколько тысячъ миль, подчинили его
 контролю какого то высшего Духа; у нихъ так-
 же развился язычскій Духъ властолюбивъ; а это
 видно изъ того, что они представляли себя Мессією
 не иначе, какъ великими царями которые побѣдитъ
 всѣхъ народовъ, и при помощи котораго они
 будутъ властвовать надъ своими врагами.

Вотъ почему изъ Иреви очень немногіе поняли
 истину, которую проповѣдывалъ Христосъ,
 между тѣмъ какъ изъ язычниковъ приняли
 ее очень многіе. Мы хотимъ образовать Римъ, Грецію
 и весь язычскій міръ, основанный преимущественно
 на инициативѣ власти и силы папъ, и

востало оно на театре истории выступилъ новый
 миръ, ^{отважный} на христіанскихъ началахъ, на началахъ
 истины и духа, учение И. Христа покорило все
 миръ. На остаткахъ древней цивилизаціи выросъ
 на прочной цивилизація христіанская; „Но про-
 то, звучащее безсмертнаго истинного слова
 Слова Божія не върухъ проникло въ сердца людей:
 это были массы витающаго въ пустыне; правда у
 просвѣщенныхъ язычниковъ были философы,
 которые могли бы сколько нибудь подгото-
 вить къ принятію христіанскаго ученія; но изъ
 нихъ немногіе были такіе, которые про-
 вѣдывали се народу большая сила были
 пустые философы, которые исконны истинны,
 какъ насладеніе духовнаго, какъ нужн; но никто
 изъ такихъ философовъ выразить не могъ, что было

въ вниманіи и широкости говорить народу оъ ис-
 тинѣ; философскіе школы вели между собою откры-
 тую вражду, они враждебно относились къ
 ученію С. А.; лишь было непонятно слово С. А., къ енос-
 тотамъ: "удите и удите всѣ народы". У Евреевъ
 были свои пророки истинны, но Евреи не внима-
 ли словамъ: иже сѣхали въ тысячахъ изгнниковъ
 и Евреевъ, въ которыхъ отзывалось слово Христа
 принявшее претерпѣніе много гоненій отъ Римскихъ
 императоровъ, изъ которыхъ даже самые
 даровитые, какъ Мавръ и Маркъ Аврелій, фи-
 лософы дѣлались отъ преслѣдованій христіанъ
 и только при Константинѣ Великомъ христіан-
 скіе проповѣданія многою мощию своего про-
 повѣдья въ этихъ поръ христіанство быстро пошло
 впередъ и въ настоящее время въ цивилизованнѣйшихъ

народы христиане, все же, что находится в христианстве и теперь почивает в первобытных нравах. Очевидно что даватели высшего прогресса негаты в христианстве. Если душа человека должна развиваться точно, то такой человек не может быть нравственно развит; он как животное, предается врослым инстинктам. Такое явление представляет нам современных эзичники, магометане, равно как и древний азиатский мир; такие люди касаются в слеподострастии, не умеют познать в параксе; причина же рабства в эзичники дурно заключаются в отсутствии руководящих духовных начал. Особенно жалкое явление представляет магометане. Хотя они и вступают в Бога, вступают и в И. Х., как пророка, но индустриальное учение распространение Махаммада и учение, вора

въ предпріятіи и все, что напутать тотъ же
 рецъ. Власти, кто и принятии поученіе Божіе
 ихъ развратности, изуверамъ, фанатикамъ,
 убиваетъ въ нихъ все Божіе. Ученіе о Боге
 передавалось имъ со веришию превратно, а что
 касается истины, которая повѣдала міру Х.І.,
 то она неизвѣстна и малоиспознаваема, такъ какъ
 и великій пророкъ сохранилъ въ законѣ, и въ
 запискахъ иудеевъ, то, что имъ больше нрави-
 лось и своею религіею еще больше развили въ своихъ
 почитаемыхъ страсти тѣмъ, которыми и
 безъ того богата была кровь. Азѣство, какъ перво-
 вѣтное состояніе челоука, пути и умственнаго
 прогресса, легко восходитъ до познанія истины, ма-
 гическое оубе, составившееся убо въ своихъ
 грубыхъ вѣрованіяхъ и понятіяхъ, какъ сего, никогда

не придет в этой жековой истинности. До сих пор мы
 доказывали, что люди сами виновники своего
 упадка, или возвышения, но независимо от самого
 человека есть еще высшие причины и обстоя-
 тельства, которые определяют или способствуют
 тому его развитию. А эти высшие препятствия
 бывают таковы велики, что их не в состоянии
 преодолеть никакая сила человеческого. Мы
 видим огромное влияние на цивилизацию народов
 имеет и имеет природа и климат страны,
 поверхность и климатическое обусловливается,
 нравы, обычаи, характеры жителей страны,
 их развитие и историческое значение, ~~и все это~~
 всякий понимает, что какойнибудь пустынный
 Сахара или аравийский не может в нас
 возбудить видоизменения поприщам цивили-

заций, всякій знает, что нездоровый кичится
 порождает различныя эпидемическія болѣзни,
 какъ шоръ, кошера, шкораджа, бѣдаетъ людей
 величій и близкимъ своимъ, что весьма задержи-
 ваетъ развитіе народныхъ силъ; какъ говорятъ
 и римская пословица: *mens sana, in corpore sano.*
 Чтобы имѣть болѣе понятіе о вліяніи приро-
 ды на человека, сробте взглянуть на земли;
 васъ поразитъ несомнѣнная нестройная земная
 населенія. На крайнихъ сѣверахъ обитаетъ бѣдный скимокъ. Сурро-
 вой природа убиваетъ въ немъ совершенно нравственныхъ силъ:
 онъ не можетъ такъ извѣствовать, какъ мы, не можетъ такъ
 понимать вещей, какъ понимаемъ ихъ мы; онъ не чувствуетъ,
 а только прозябаетъ, помученный своими мучко-зритель-
 скими интересами онъ проявляетъ зрительныя инстинк-
 ты. Поищите теперь на зрителя юга. Тотъ чувствуетъ

больше широкого дружного, хотя прекрасная, обаятельная,
 но так же гибельная для человека, созрелая природа и на нем
 оказала свое действие; она погрузила его в тину порока
 и разврата, развила в нем ищенье и сладострастие.
 Куда же в такую чуждую думает о общении благе,
 когда его все мысли, направленные толпой, чтобы удов-
 летворить только свои страсти. Если он раб у
 него ищет сил духа скинуть с себя оковы этого раб-
 ства и он с ~~своими~~ ^{своими} страстями взирает на своего господя,
 если он господин то он тераня и деспотизм. Богата,
 природа всевозвоставляет ему средства к друж-
 не и тем же убивает в нем дух во имя плоти.
 Во всем иное явление представляет цивилизованная

Европеи, природа умиротворенного климата не так щедро
 одарена им, она заставляет его все добывать честным трудом,
 волею, пробуждает его во умиротворенной деятельности,
 заставляет ценить труд, потому что здесь ему
 только человек обязан своим существованием.

Вот где настоящая почва цивилизации, вот где царство
 твоего духа. Метер понятию, почему на этой почве
 пришло такое великое, поставленное С. А., мифическое творение
 как на востоке оно должно было, потому что там не
 могли понять духовной проповеди Христа. Мыслится
 быть настоящим времем, когда цивилизованные
 народы своим влиянием убожат неблагодарную
 почву востока, поставят на ней своим истинным,

и тогда только эти народы выступят на арену обще-
мировой деятельности но и цивилизованный государст-
ва не возмещает на одинаковой степени прогресса.
Особенно резко отличается Россия от других.
Постараемся теперь объяснить причины отноше-
ния и внутреннего застоя России. — Азия считается
якобы колыбелью всех народов, отсюда разошлись они
во разные стороны света. В незапамятные,
доисторические времена великие Кельты, они
перешли поспешно Россию и, быть может,
разре на некоторое время ушли на ней, и предвигаясь
дальше охотились наконец на крайнем западе,
зачим поспешовало племия германское так же

прошия восточную Европу и поселилось въ составлен-
 ные съ Кельтами наконецъ двинулись изъ асси-
 рійскихъ народовъ Славяне поселились близъ Пер-
 маницево по Дунаю. — Было время когда все эти
 народы зрели одного другаго, говорили однимъ
 языкомъ, жили подинаковыми законами и чрезъ
 Денъ, но занявши различные по характеру
 места на континентѣ Европы, принявши
 различающагося влияния, разхотенеро различ-
 чаются между собою, какъ по нравамъ и чрезъ
 Денъ, такъ и по развитію. Западныя на-
 роды вошли передъ Славянами, ~~но~~ такъ,
 что, пришедши въ Европу гораздо раньше

Римляне, организовавшие войска более удобные из запада, оставив
 Римлянам судилиз на востоке в враны. Но шавна привнес
 вид вынужденной народоу запада вперед, захочется в
 том, что поселившись около древнего Рима они украси-
 довали от не цивилизации, и потому тем как Римляне
 не пользовались почти не какими посторонними ви-
 жениями, а если и пользовались то бывшими частью ду-
 ными. Правда, некоторые славяно-фили дают России
 идеальное значение: они говорят, что Россия есть самая
 настоящая римская традиция при посредстве Гре-
 ции; но этот взгляд слишком пристрастный, как уви-
 димо при рассмотрении отношений Греции к России. Греция сама
 не имеет того исторического значения, какое дают ей славяно-фили
 и влияния ее на Россию были ограничены. — Христофоров. (продол-
 ж. след.)

Письма Гейне. *)

I.

Прерве мнѣ въ дружбу мою безотрадной
Образъ величавый сдѣлалъ.
Мнѣже иже оны — и мракъ непроглядной
Сразу меня охватилъ.

Если дѣтей въ темнотѣ оставилъ,
Страхъ мой сжимаетъ сердца,
И, чтобъ прогнать его, нѣтъ начинающаго
Звонка ихъ голоса.

Махоры и я, точно нуги дѣтей,
Нѣтъ во мракъ пою...
Пусть же прогоняетъ скорби отъ насъ эти
Мрачную дугу мою!

II.

Слѣтъ змѣнѣ — мнѣ, слѣтъ змѣнѣ — слѣтъ
И съ каждымъ днѣмъ мнѣ...
И оны еще, рѣдкость мою,
Медь зловещую сдѣлалъ!

Слѣтъ змѣнѣ — мнѣ, слѣтъ змѣнѣ слѣтъ!
Да будто бы оны змѣнѣ
Блаженства то, какъи всегда
Мной похвалу имѣетъ?!

*) Переведены съ французскаго повстрѣчнаго прозаическаго перевода.

III.

А вьодѣвъ сонѣ: урало жьдѣвы блещуѣтъ,
 Меравѣннѣ свѣтъ мѣла на змѣло лѣтѣтъ...
 А сонѣ мѣла мѣсѣтъ въ далекѣй городѣ,
 Въ котороуѣ мѣла моя матерѣ живѣтъ.

Мѣсѣтъ мѣла онѣ пришло къ въ дому...
 И лѣтѣмѣу его уѣмѣло камѣмѣ въ,
 Мой лѣтѣмѣу, къ котороуѣ прикасѣмѣтъ
 Такѣ часто мѣсѣтъ мѣла въ.

Ночѣ холодна и такѣ длѣннѣ урало...
 И лѣтѣмѣу такѣ камѣмѣ холодна...
 И вѣдѣно въ онѣ мѣла а мѣло въ
 При вѣсѣтъ мѣсѣтъ мѣла мѣла...

IV.

Они сѣмѣтъ мѣла мѣла другѣ друга —
 Но онѣмѣтъ сѣмѣтъ мѣла мѣла;
 Они вѣсѣтъ мѣла, мѣсѣтъ мѣла,
 А мѣсѣтъ мѣла онѣ мѣла мѣла.

И, разѣмѣтъ, они все другѣ друга
 Но мѣсѣтъ въ сѣмѣтъ мѣла...
 Мѣсѣтъ мѣла... мѣла мѣла мѣла...
 И мѣла вѣсѣтъ другѣ друга мѣла...

V.

У вѣсѣтъ сѣмѣтъ мѣла,
 Мѣсѣтъ мѣла мѣла...
 Вѣсѣтъ сѣмѣтъ мѣла —
 А мѣсѣтъ мѣла на мѣла.

Но мѣла мѣла не вѣдѣтъ,
 Тѣмѣтъ мѣла мѣла мѣла...

Еще ты шепнул моему
Мне въ сердце зашептал...

Оно тогда такъ шептало...
Кровь каплетъ изъ него...
Но ты, мой другъ, не видишь
Страданья моего!

VI.

Мое пламя негнъ ни коснется,
Если близко меня пройдемъ ты,
Мое сердце отъ радости бьется —
И твои и чужие сады.

Но когда же при встрече, случайно
Съ твоимъ жаркимъ взоръ встретимся мой —
Мое сердце въ смущении тайномъ
Едва можетъ постыжъ за любовь...

VII.

Зимней лихорадкой веселымъ май,
Ме весельемъ и мотъ только отъ...
Сного противъ липы развѣсистой я,
Опершись на ветхій балконъ.

Внизу протекаетъ чрезъ городъ рѣка...
Тихая голубая гладь водъ...
Вонъ бѣлый реверокъ на водѣ по ней
И весело плыветъ по ней...

А тамъ, живописно за рѣкою такъ
Сидѣли сады, цвѣтники,
Лѣса и равнины, луга и поля,
Дома и народъ, и дыки...

Суржанки вонъ вьалотъ тайъ по травѣ
 Е вьшалотъ вьзжк вьвѣ;
 Вонъ ивѣвнцѣ вьчлѣтѣ аммазѣ, по мѣтѣ
 Вьтѣ вьчлѣтѣ вьчлѣтѣ вь...

Вонъ старая вѣвнцѣ и вѣвнцѣ, вьчлѣтѣ
 Суржанка вѣвнцѣ - вьчлѣтѣ...
 А около ходитъ то вѣвнцѣ, то вьчлѣтѣ
 Вѣвнцѣ вѣвнцѣ вьчлѣтѣ вьчлѣтѣ.

Вонъ вѣвнцѣ вьчлѣтѣ вьчлѣтѣ... вонъ вьчлѣтѣ - и вьчлѣтѣ
 Вьчлѣтѣ вьчлѣтѣ вьчлѣтѣ вьчлѣтѣ...
 Ахъ, если вѣвнцѣ вьчлѣтѣ, вьчлѣтѣ, вьчлѣтѣ
 Вьчлѣтѣ вьчлѣтѣ вьчлѣтѣ вьчлѣтѣ!

VIII.

Солнце вьчлѣтѣ вьчлѣтѣ вьчлѣтѣ вьчлѣтѣ...
 Слѣвнцѣ, вьчлѣтѣ вьчлѣтѣ вьчлѣтѣ вьчлѣтѣ...
 О, вьчлѣтѣ вьчлѣтѣ, вьчлѣтѣ вьчлѣтѣ!..
 Вьчлѣтѣ вьчлѣтѣ вьчлѣтѣ вьчлѣтѣ!

Вьчлѣтѣ вьчлѣтѣ, вьчлѣтѣ вьчлѣтѣ вьчлѣтѣ вьчлѣтѣ...
 Вьчлѣтѣ вьчлѣтѣ, вьчлѣтѣ, вьчлѣтѣ!..
 Вьчлѣтѣ! вьчлѣтѣ вьчлѣтѣ вьчлѣтѣ вьчлѣтѣ...
 Вьчлѣтѣ вьчлѣтѣ вьчлѣтѣ вьчлѣтѣ вьчлѣтѣ!..

Вьчлѣтѣ вьчлѣтѣ вьчлѣтѣ.

Турандота
Китайская Принцесса.
 Трагедия-комедия.

Действующие лица:

Асторис, багеновлавиный Китайский император.

Турандота, его дочь.

Агильма, татарская принцесса, его невольница.

Земша, другая невольница Турандоты.

Скирина, мать Земши.

Баракъ, ее сын, бывший гофмейстер Астраханского царя.

Канадъ, Астраханский принц.

Тимуръ, изгнанный царь Астраханский.

Узмаши, спутник принца Самаркандского.

Тартаний, министр.

Гартаманъ, канцлер.

Трудораиддинъ, смотритель за евреями.

Бригидо, карауливший тогда стражников.

Доктора Дубана.

Невольники и невольницы Серали.

Действие первое

Предметы Некина.

Видъ городскихъ воротъ. Надъ ними торчатъ
мезенные прутья; на вершине семастрии
воткнуто множество обетриженныхъ глыбъ
съ турецкими кошками, пахнущихъ маляски,
съ такою сешетрйею, что и составляетъ украше-
ние стонъ.

Явление первое.

Принцъ Каааоръ (одетый и попоио грант ае-
стически въ татарскомъ вѣсѣ, выходитъ изъ
одного дома. Навстрѣчу ему идетъ изъ города
Баракъ.)

Каааоръ.

Хвала Богу! и въ Некинѣ нашии
Недрави добрыя!

Баракъ (подходитъ въ Персид-
ской одеждѣ и останавливается на шагъ съ удивленіемъ).

Что и видишь?

Мой принцъ Каааоръ!

Каааоръ (узнаетъ его)

Баракъ!

Баракъ (подбѣгаетъ къ нему)

Мой Господинъ!

Камагор.

Медь, вы вепрытмины здес?

Баран.

Вы ешвы? Вы

Мым, в Неким?

Камагор.

Мои, не обнаружит

Меня! Как это мой попал в ссуду,
Спаси, великий ламай заступаю?

Баран.

Определился в войсках, как далеко
Многу душат, вепрытмины с вами,
В тот несчастный день, когда видны,
Что войны обрывают, а в мое царство
Мирани вступил из Мигри с войсками,
Я убогаю обратно в Астрахань,
Весь район покрыт. Зорес и чинашань,
Что вы и царь Минир, радитец ваш,
Помоги в бунте. О великих страданиях
Не говорю; отдаю и все по моему
И без урона сплотив и ко двору,
Чтобы вам уметь, царю Сивагу,
Спаси. Но и ея испан напрасно!
Враги у нас в войсках в самом городе.
В отражении у нас и из отомы,

Узнавши о том, схитился изноу царевича
 Нормы три года, все нуды приюта,
 Нокоу и напелу не пробовал въ нежизнь.
 Милу драгоу, погу именованъ Гассана,
 Приобрететъ себя благоволенасъ,
 Благодарю, одной варты богатой,
 Которая теперь моя смена.
 Но родина моя ей неизвестна,
 А думается, что и Персидская.
 Теперь и здѣсь живу, кому и бѣдѣю,
 Въ ероувиеньи съ пресиниши попомощиенью,
 Однако и богатъ, богатъ сребромъ,
 Теперь, когда и живу воемъ сивыи,
 Мой принцъ Камадръ, мой дорогой царевичъ,
 Котораго и воспитанъ и доуго,
 Какъ мертвѣго, оплакиванъ сивѣго.
 Но какъ Вы останетесь сивыи и нагъ
 Достигли Вы столицы Бодухана?

Камадръ.

Не называй меня такъ. Носитъ мой
 Виногастный бумъ Астраханской, гдѣ сивы
 Сивыи царевича, и съ строгими попомъ
 Пустыи вѣкаго въ наши вродокай вараеу;
 Собраемъ на скоро, что было дорогого,
 И, вѣдѣи сивыи, шовъ изъ него удобочаси.

Отец мой, и шаты мои Ильмаза,
 Одетые крестьянскими, сжиты были
 Въ степи и по чужбиннымъ горамъ.
 Что претерпѣли мы тогда, о Боже!
 Одинокій горюхъ при падшемъ
 Кавказскихъ горъ отнынѣ у насъ, что было;
 Одинокій только ошкуръ оный оставилъ.
 Борошесъ мой ездой да душою смертною
 Усѣ мною мною несчастій свидѣтелемъ.
 Ношу я на своихъ плечахъ отъ
 И шаты мои Ильмазу по горамъ.
 Забылъ и цѣлѣвалъ несчастнаго отъ,
 Тамъ былъ себя кинчалою и прищипъ;
 Съ трудомъ и чуждымъ царемъ у шаты,
 Несчастливый прищипъ, бѣдѣю.
 Но вѣкъ пришелъ съ нами и на насъ въ дѣлѣ,
 Татарскій городокъ, и здѣсь въ дѣлѣ
 Могила Боже и бѣдѣ проситъ и бѣдѣ
 Чтобъ на коринѣхъ родителей нашихъ.
 Какъ вору и новое несчастье! Врагъ нашъ,
 Шестокій какъ Мидришскій, опасался,
 Тамъ суща о нашей смерти не было помысла,
 Но вѣкъ и шаты и шаты и шаты и шаты.
 Узнавъ о насъ о насъ о насъ,
 Разосланнымъ по вѣкамъ вѣкамъ, и бѣдѣ

О насъ разсудаетъ. Можно скорымъ стечемъ
Избавимся мы отъ его мученьевъ.

Ахъ! гдѣ же мы скрываемся отъ тирана, если
Не даются въ родины стечемъ?

Баракъ.

И болше ничего! Слова сія суть
Мерзость въ сердце. Великій ханъ въ таковыя
Несчастныя посылки. Славимъ-мы
Здоровьямъ мой великій повелитель,
Шива-ли саванушка-царюга?

Камагъ.

Шивы.

Извѣдай, Баракъ, въ широтѣ одной и много
Найти людей преданныхъ, благородныхъ.

Вотъ прибави въ страну мы Карагановъ,

Тутъ мы и примемся и дѣлать въ цѣль
Въ садъ тамашиного хана Кейнобада,

Тамъ ~~хорошо~~ ^{хорошо} сидѣть голодной, горькой смерти.

Тамъ видна мену вою славона

Ахъ, и все мой транчикъ видъ.

И, каково, сердце дворянское

Коситъ, считавоу, чувствомъ состраданья

Свою много вѣдаетъ любовь! Ахъ, и

Не вѣрива, что и простого раду.

Не знаю я, какой несчастный рабъ

Отца царевны, хана Кейкабада
 Принудили воевать с царем монголам,
 Со великим императором Китайским.
 У него во войсках ходит много снарядов;
 Но вот это много узнаю навстречу.
 Хан Кейкабад был побит. Весь рад
 Его был убито много. Сохана Агемша
 Со семью дружины догнали царя
 Бойна утомлена во боюшкой рязи.
 А семь ушли во соседнюю страну;
 Бегущая долго, наконец пришли
 Мы в Фергана. Уто есть еще есть снаряды?
 Темно где добывают и пшеницу
 Податемши, работая весь день....

Карах

Довольно принуж. Забудешь ли усталость!
 И вину Воез теперь во великом войском
 Народов, как героев. Снасти-есть много,
 Как у нас в Вашей усталости.
 Камагорь.

Мой?!

У хана Фергана раз вырван
 Красивый кончик, иль веселый шобиской.
 Наймали, и принесли его к царю.
 Он спрашивает меня, откуда?

Свои селы и войдана за считануа,
 Окозана, что и селены трудены отъ
 Мелань нутаю. За мана цесуру
 Ону поиметили отъграмиати вобосоннуу.
 (останавливаются)

Барань! Мань вонзана и востановилась
 Умнетъ царь, твай пресный повештеи!
 Но даже мань грозитъ ему онаеи
 Бытъ узнану врагены.

Барань.

Басеи сибь!

Канаорь.

Хань подарилъ мнѣ денегъ ма вору,
 Богатую Давиду и пону.

Въ радимыи и простимся и цимель.

Менерь жору и егасель поиматъ.

А селы егасель мнѣ небуденевоимель.

Но сани пакану и сеперанной синуио.

Чего не думали свои радимель.

Чтобъ не цеситъ мену саниго вобань!

И все хитрое мнѣ со синай идти.

(Узбави, Басеи, ихъ отъ этого)

И вонъ изуранныи пришеи и въ Рехинь,

Васиною тысячъ верени отъ Асиряхань.

Принимает и идти сущишь
 Сидатомъ ко Когдыхану-Амторуу.
 Бить можетъ, что сурово и сечашется
 Надъ мной и храбростю и засируу
 Въ Китай, отъ царя благовоенье.
 Не знаю я, какое празднество
 Напашинио пригзошени весь городъ.
 Въ гостинницахъ не принимаюшени;
 Тогда шитъ елитуина съ предобрый сердцемъ
 Дано приютъ въ своей уютной доми.
 Баракъ.

Мо доми мой serene.

Камааръ.

Твоей елены?

О каково твое домино доми елесте,
 Что у тебя етоиъ нешина елена!

(беретъ созо руку)

Однато доми и домиатъ. Прощай!

Сейчасъ пойду и посмотроу.

На праздникъ и собравшийся народъ.

Затѣмъ явился и ко Когдыхану съ просьбой
 Принять меня въ число своихъ солдатъ.

(хочетъ цѣлти. Баракъ его удерживаетъ)

Баракъ.

Встаньтесь, Принцъ. Это вашъ законный?

Нечего Вам ирисно насмзато
 Иаго свои мнестохисз зрмимзетс?

Да будет Вам ивзвснно, что ирисмн Вы
 Сюда назрмимзетс ирисмнотс дмис?

Камадс.

Что хогемс мы оаоамс?

Барахс.

Что? не змаетс-ис.

Это персз Мурандотс, дорс царс,
 Нераис и стонс повснду радомсс?

Камадс.

Да! слышамс и ещс у Кейкобада.

Могдс о ссмс таааа мнс мсшва:

Одмалмды хана Кейкобада сынс

Вс вссма дмаревноис видтс цбмалм

Вс Великй Нехис, и бмис ирисмнотс того,

Имс возбудмис воимсс Китайцасм,

Котмрас оааммиса надемвсмс царсм ва.

И мнотс хой-гсго вс народс сммхис,

Ссмс намсрс повтрмтс, радмсммис,

Оаамм-смс смс мотс, что вприс и что мсшва?

Барахс

У хана сммс адмс дорс Мурандотс

Вс сммкис цмсмс и прасотс,

Котмрис мнотс не сммиса хсстс.

Сколько много ходитъ про нее разсказовъ!
 Всѣмъ шепчутъ про красоту ея
 И отбращеніе изъ семейной жизни.
 Хотя мужи ея просишгаются
 Великіе цари, но все напрасно
 Каиаоръ

Чемъ давалъ ея хотѣли и отпущенку
 Чѣмъ души скупился. Что ея давали?

Баранъ.

Не слышно это, Принцъ. Давно хотѣли
 Старикъ-отецъ свою дочь выдать замужъ,
 Но дочь и слышать этого не хочетъ.
 Она такъ сильно отягощена любовью!
 Не сдается она употребитъ насилья.
 Она была причиной многихъ войнъ;
 Хотя Китайскій ханъ и побѣдилъ,
 Но онъ, старикъ мудрый, сталъ
 Чемъ давалъ одной ногой въ молву.
 И вотъ ея зовутъ ей разъ анъ съ великими вѣдущими
 Махмудомъ: «Строить вое дитя»!
 Прошайся-ея войти замужъ и наказать.
 Антъ, - придущей ты дружи средъ твоихъ
 Избавитъ царство отъ войны и сестрой.
 В сущности старъ, и множество царей
 Врагами ея именовались и не перестанутъ.

Прошу тебя лишь только поворотить,
 Как связаться мне от сениховъ;
 Попрошу любви и умирай, как знаешь.
 Вот, озорная такая рожь,
 Царевна параша шлохитъ итца;
 Въ шлохитъ прибавилъ потоки слезъ,
 Ито въ трупъ старика-царя. Но сир
 Остаются непреходимыми. Нахвостъ
 Она такой советъ ему дала,
 Какого и Мёръ не придумаетъ!
 Какафр.

И это слышавъ з. Сирва негасто
 Надъ окошко нейдетъ. Говоритъ,
 Что выпрошенъ быть у царя царь,
 Ито въ принца веститъ дозволено бошо
 Искать руки Царевны-Мурандоты;
 И дано на такомъ ценови,
 Ито въ итцуйи руки, въ присутствіи
 Царя и вестей министровъ, отгадалъ
 Мнѣ три загадки, что задаетъ Царевна;
 И если разрешитъ, то овидается
 Царевною и царствомъ Богдыхана;
 А если не сунетъ, то на такомъ
 Царь до конца будетъ прикованъ

Снять голову с несчастливой шеи.
(Что царь своею кляпкой подтверждает?)
Ну кто не правду-ль скажет? Вот сказка,
Какую можно говорить от скуки.

Барах

То сказка! Да, скажи бы! Хотел сказать
Царь этих варваров; но зачем
То повествовать проведая, то хитрости
Словами вышаманил у царя
Учтивый и у всех широких Уголов.
Она с поварной пестью говорит:
— «Ну кто из принцов будет столько шире,
Тот и шире так подтвердит ирregular,
Всех своих отенутся ирregular,
А-есть быть шире в похвал; Давно если
Маленький найдется, кто пойдет
На ирregular опасность, то тогда
Отца свой будет не виновен в этом,
Когда непонимать он Угол свирепый.» —
Вот кляпкой подтвердится безответственный
Угол и сообщит ирregular народа.

(При этом Капкан приедет со мной?)

Хотелось бы рассказать другим сказку.
Всем бы так сказать: это сказ!

Камагз.

Я впрямь, такъ какъ ты шипи говоришь.
Однако-ужъ не находишь такого друга,
Который поведетъ бы голову?.....

Баран.

Сусотрини, Принцъ! Вотъ мы все сажа въ,
Которыхъ стремимъ на зародки
Воротахъ, - головы несчастныхъ друзей,
Полувившихся на тугой сей поспиртокъ;
И тогда наши мы себя помемъ,
Не будучи способными признаться
Загадокъ сдвинулся.

Камагз.

Какъ прискорбно,
Что есть такіе враги на свиты,
Которые и щипри не знаютъ,
Имъ обидитъ чудованьемъ тахиинъ!

Баран.

Нить! Этого не говорите. Если
Увидитъ кто-нибудь а портретъ,
То отидетъ оговорившись
И сильно къ вярной любви стремителъ,
Имъ обидитъ басмественный царедвѣ.

Камагз.

Какой-нибудь безумецъ!

Баракъ

Нить, упрямый!

Сегодня, поиреишь, пошлѣ на тлаха
Принцъ Вимаркандекій, еашой упрямой
Изъ ветокъ людей, которыхъ видѣлъ.
Съ печалью царь исполнилъ долгъ царицы;
Оно-оно неважнѣе еликова.

(Слышится вдали вразбѣжѣ звукъ барабана.)

Принцъ, слышите-ль вы барабанный бой?
Исполните-ся царицыной казнь.

(И удалился, чтобъ ея не видѣли.)

Камаоръ

Мы говоримъ несмысленныхъ вещей!
Какъ можно быть такое еменское
Созданье, какъ эта Муранда,
Емщеннаго любви и состраданья!

Баракъ.

Моя емено шипитъ догъ, Земни,
Сущающую въ гаремѣ Мурандамы (?)
Земниа нашъ распарываетъ часто
Дикъ-венный, вещи про царевну:
Оно емень презираетъ еменова,
Но ветитъ дружитъ питаетъ каброны,
И гордо ешь емень одна се безгнѣтитъ.

Камафр.

На синах дво ада и поеманъ бы
 Ся канонные и рдовинге,
 Которые себя сими только и обманъ,
 (Будь и ея отъясн) и прижажъ бы
 Сенихъ оурихъ въ хорихъ.

Баракъ.

Сюда идетъ

Другъ умершаго принца — Уеманъ,
 Оузмареи безумнаго.

— Уеманъ! (зываетъ его)

Явление второе.

(Уеманъ и тѣ же самые)

Уеманъ.

(беретъ Баракъ за руку, горько шепчетъ).

Ахъ несчастный Принцъ! Зартилъ упавъ монора
 На голову твою и погасилъ
 Огнь чертвишии тебѣ, а не мени!

Баракъ

О Боже мой! Зартилъ Вы допустили
 Его идти на верную опасность?

Уеманъ.

Зартилъ? А въ этомъ не виновенъ былъ.
 Моулими обвинить несчастный фанъ.

Уверенный в его и помощи
Напрасно. Товарища не был слышен:
Он отнял у меня по Косиной воле.

Варакъ.

Одного успокоиться и не пытайтесь!

Цемашин.

Мил успокоиться? Никогда!

Я видю, как скотался Принц. Я был
Принц в последний минуту жизни.

Его прощальное слово произнес
Милсердце словно острием кинжала.
Он так сказал: «Она мне не досталась.
» Поэтому с охотой цемашин.

» Я не могу видеть теперь царевича.

» Да простит елика мой дорогой отец,

» Что ур дошу чужих без позволения.

» (Не допустил меня в он цемашин!)

» Показав ему ее изображение,

(он вынимает из-за пазуха портрет в рамке)

» Увиди, он простит мою вину."

И принц признался в грехе своим портретом,
Заперев в горничную покровитель;

Но шло он цемашин с ним разотаться.

Потому он отпустил на холм —

Цемашин — теперь я вспомнил не могу —

Воружь заступилась кровь, узнаю твою
И ланову беремая въ рукахъ намая.

Въ удушасномъ страхи и урени отъ туде.

(просеи въ синагогу иудованъ портрета на земли)

Какъ ты, портрети фети, шипъ нехавиетанъ;

Леди енездове и сими на стоишъ итени.

О есемъ мого и расемерзани тедъ

Проклинуто еяго съ твоимъ портретомъ.

Тотъ и ене его царю принесе.

Не доиенетъ бытъ и доише въ Сахарандъ,

Хоту чини въ пустыню, и и тамъ,

Вонъ итъ мидей, енаживае того,

Кто сердцу своему дои ветихъ дорожене.

(Уходитъ).

Явление третье.

Камаоръ и Баракъ.

Баракъ (носитъ и въ которомъ мидеанъ)

Камаоръ, Въ еишашъ, что онъ енафанъ.

Камаоръ.

Смугленъ, напуганъ, ищениетъ и етени.

Какъ мидеанъ ея портрети азъ ведренный

Чинитъ такую енафанъ на мидей?

(онъ хочетъ поднести ея портрети)

Баракъ.

(подноситъ ея и ея и ея и ея)

Не троньте ради Бога

Камагор (улыбаясь.)

Ночему же

Нельзя увидеть сина и портрета,
Сводящего с ума других людей?

Баран (удерживаясь)

Вам лучше бы увидеть голову
Медузы, чем мизер. Прощай, прощай!
Я не могу Вам этого позволить.

Камагор.

Когда ты чувствуешь себя так слабым,
Неужели думаешь, что слава и я?

А если вы меня свиваете, прелесть

Не трогает, то как вы можете тронуть
Меня, какой-нибудь портрет бездушный?

Баран, не беспокойся! Удачи

И без любви заботы есть на сердце.

(пожимая плечами перед портретом)

Камагор (отерпавшись)

Ну, не портит! Импретого мензти оскорбитель.

(оттапливается, смотрит на портрет и
стоит в изумлении. Восит некоторую паузу)

Какая красота!

Баран (с отчаянным помахом руки)

О горе ему!

Несчастье случилось.

Камагор.

(хватается от его слов в ужасе за руку)

Барак.

(хочет говорить, но спотыкнувшись, падает на пол и рыдает, хватаясь от его слов за голову)

Барак (про себя)

Да будет Бог свидетелем: я не виноват;
Не мог и подумать сему.

Камагор.

Барак!

Это за прекрасное лицо царевны!
Какой красивый стан и гордый взгляд!
Не может быть, чтобы сердце ее...

Барак.

Это судьба и, несчастье? Нет, она
Прекраснее всего раба, лишь на портрете.
Весь красота и слава, и добродетель;
Но такая гордость и, жестокая
Не может угадать мой взгляд
Многогранный. Кресте ты себя
Сей враненный род змеи-исиды.
Да не погнется род сей в твоих шагах!

милосердья раса нашего, который вращается на поверхности головы. (Продвигая звуки древнего азиатского барабана сопровождая этот танец.)

Барабан.

Смотрите, Крикну, и бойтесь передь этим!
 Но голова того страдающего крикну,
 Который боимся сегодня удержать.
 Как приставлено ширит она на Вас!
 А руки, воткнувшись ее, Вас видят.
 Крикну, образумьтесь! Ведь никто не сможет
 Барабан этот и голову оторвать.
 Мы ждем, что ваша голова
 Уже стрелит на городских воротах.

Канадцы.

(Разешатривается и разрыванием воткнувшись
 голову)

Негласный тонна! Канадцы
 Выехав шен, таинственно к медь,
 Чтоб украшать Китайских врата?

(останавливаются задумавшись; потом
 обращается к Барану.)

К чему вы едете? Разве не считали
 Меня ты дого жертвы. Перестань!
 Не открывай меня или шкатулку!
 Кто знает, может быть, сфера

Щестьюкая щиро сердится,
 Благодарит меня на это дело
 И берет моего родимого моего
 На старости великую отраду.
 А нити — так тут нити у меня ружью;
 Мое же ввек и буду благодарен,
 Когда загадки разрешу. — Прощай.
 (хочет идти, но Карак опять его удерживает;
 в это время выходит из дома Схи-
 рина, жена Карак)

Карак.

Нити, нити! — Иди, жена, на помощь,
 Не позволяй ему идти к царю,
 Сей дорогой мой чужестранец хочет
 Идти сейчас безумной во дворец,
 Чтоб разрешит загадки сурин.

Явление четвертое

Мне же и Схирина.

Схирина (выходит к нему на дорогу)
 Царь! Что я слышу? Вы?! мой гость?
 Это гонимый Вас теперь к пожарной сирени?

Какафр.

Вот сей портрет, дражайшая, мой,
 Вовем меня к помощи!

(показывает ей портрет.)

Скирина:

О горе!

Какъ шогъ дѣлать портреты сего воио?

Баракъ.

Вино въ рокъ!

Канааръ.

Гассанъ и ты, сына
Гассанова! Пусть остается лошадь
Въ награду вамъ; возьмите также денегъ!
Вамъ все мое имущество. Возьмите!
Я не переищу въ нею: ни въ возвращусь
Богатыми, какъ Крезъ, ни никогда
Не ступитъ здѣсь моя нога цѣлбавше.
Хотите, такъ раздѣлите деньги въ храсы
Боговъ, ни раздѣлите беднымъ людямъ,
Чтобъ со мною и обо мнѣ не сраетъ ни кто.
Прощайте! Я иду, куда велитъ
Судоба. Да и Богъ увидитъся! Прощайте!

(носпышно идетъ въ городъ.)

Дѣяніе пятое

Баракъ и Скирина

Баракъ (хочетъ сундоловъ за аминъ)

Мой господинъ, мой бѣдный господинъ!

Напрасно! Судишь, меня не слышишь.

Скажи (с любопытством)
Твой господин? Как ты его звать знаешь.
Скажи, кто он, кто этот чудесный человек?

Барах.

Ну, перестань быть любопытной!

Родился он с такими чудными вещами,
Что, хочется быть, безумство для него
Окончить чужихою знаменитость.
Носивай, дорогая, отдавай
Все это золото и все, что есть
У нас, Богам, чтоб их удивлять;
А также часть дадим и бедным людям,
Чтобы и мы слышали Богов.

(уходит вперемешку со своим домом)

Конечь 1^е действия.

Перевел из Миллера

В. Кудрявцева.

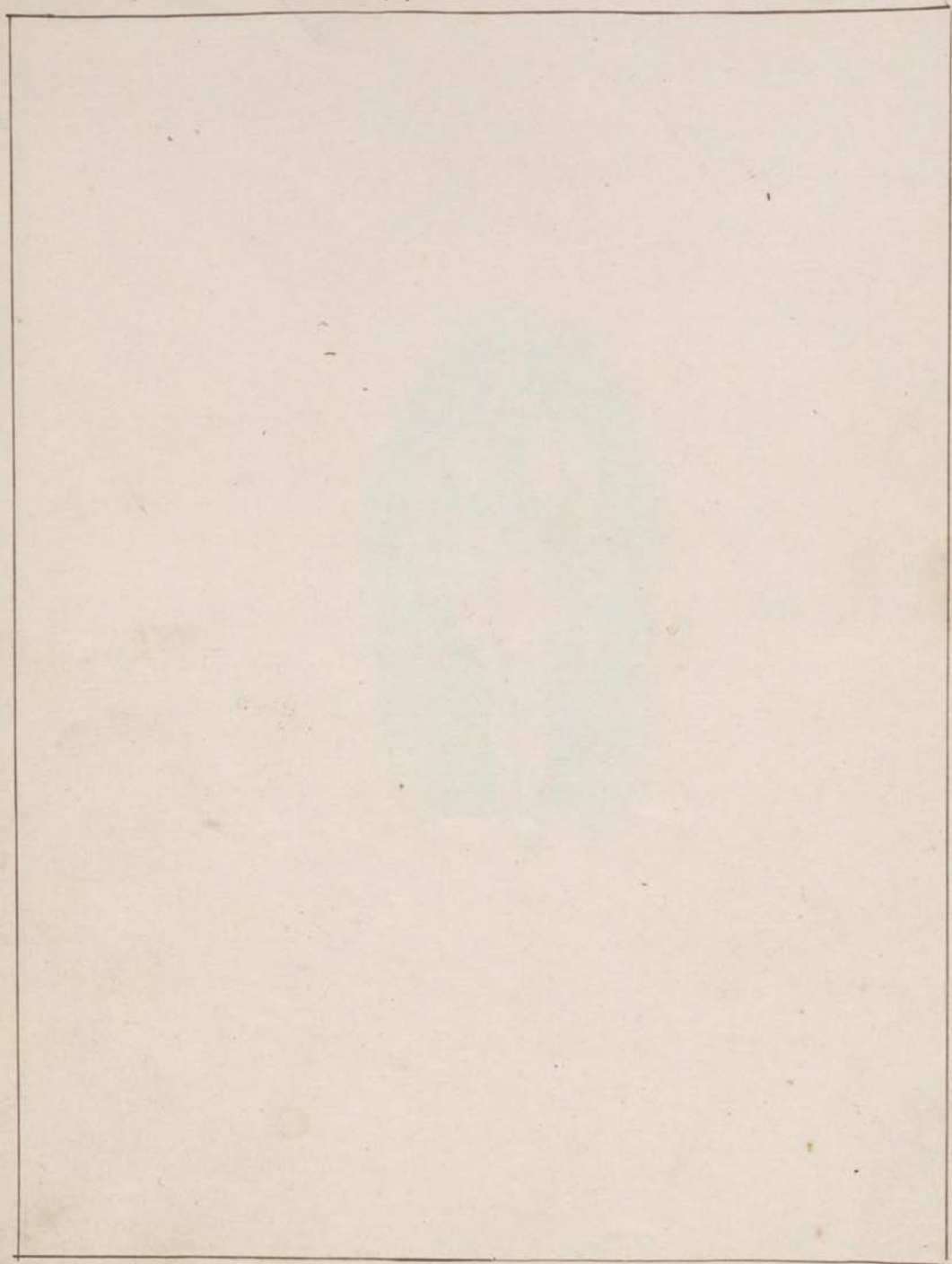
My dear Sir,
I have the honor to acknowledge
the receipt of your letter of the 10th inst.

and in reply to inform you that
the same has been forwarded to the
proper authorities for their consideration.
I am, Sir, very respectfully,
Your obedient servant,
J. H. [Name]

Enclosed I have the pleasure
to send you a copy of the
report of the committee.

Литературный Вечер!

Зала полна публики. Филологи торжествуют
въ послѣднихъ рядахъ вѣнчаютъ съ Гимназиста-
ми. Воступаетъ на сцену хоръ (посрѣдѣ сла-
вень).

Филологъ М. (сиплого октавого обра-
за къ Гб.)

Кажись, что ничего не помню!..

Наши знаютъ того....

Хоть Гимназисты и дерутъ,

Все жъ выходитъ ничего,

Знай, что наши тутъ!

Гб.

Да, Гимназисты это правда,

Они считаютъ насъ во всемъ!..

Но ты не стой, мы утремъ сабтра
Удъ отомстимъ имъ всѣмъ за все!

М.

Меланъ ты очень я узнать,
Какъ это имъ ты отомстимъ?
Дѣл, братъ, ты, вижу, хочешь спастъ
И жить съ просоньей городишь!

П. (немного подумавъ)

Ужъ, это правда, самъ я знаю, -
Я необходимо скажу....

- Да растолкуй, не понимаю
Что Персверцовъ прочиталъ?

М.

Ну, въ этомъ столькожъ смысла я,
Сколько въ апельсинкѣ толкъ свиной;
Но я могу лишь то сказать,
Что онъ сочувств., братъ, прочиталъ.

Д. (вмѣшиваясь въ разговоръ)

Оно то вышло ничего,

А это вижу самъ,
 Да смущаю тихо: расофранъ
 Лишь слово къ „небесахъ“?

М.

Объ этомъ говоритъ ны лучше перес-
 тавимъ

И къ публикѣ какъ можно ближе
 станемъ,

Пусть смотритъ все на насъ!..

Гимнастеръ (переводясь ироніей)

А думаю не лучше ль на порогъ
 Намъ позабавясь поскорѣе,
 Чтобы смотрѣли мы на васъ,
 Васъ ни чинитъ ни чинитъ!

М. (обращаясь къ Г.)

Что это, братъ, онъ говоритъ,
 Заисловатое довольно,
 Онъ не на насъ ли счетъ астритъ,
 Тбакъ граио и къ то мучеъ такъ
 вольно...

Д.

На намъ на намъ то это такъ,
 Да только ты большой дуракъ,-
 Ты не показывай и виду,
 Что пограсишь ты обиду-
 Не то вѣдь охандусить можетъ...

М.

А я такъ душно не знаюетъ
 Насъ охандусить вѣдь; при томъ
 Мы саживаться будемъ сильно
 И урѣе настоемъ мы на томъ,
 Чтобъ мы хоть разъ ихъ одолели.

Гипнастезъ (обращаясь къ товарищамъ.)

Кто же дураками саживался,
 Мне очень интересно знать...
 Виотри Филоловъ какъ саживался,
 Не зналъ дамы что ехалъ...
 Ну, урѣе насмотримся, а мало
 Пододокъ мы ипнотимъ ихъ,

Вотъ и весьма я обращаю
 Мало вниманiе на шитье...
 Вотъ, вотъ постои читаетъ что то
 Намъ знаменитайшii поавецъ,
 Который, пласанъ возгордился,
 Идетъ, кайсется, съ небесъ внизе
 Въ награду для себя за это!
 Ну, декламируетъ плахотёко-
 Читаетъ онъ, какъ будто толоко,
 Две кварты выпивши за разъ,
 Заснулъ всею лишь морсетъ гасъ,
 Потомъ проспавшись, на политаве
 Моемъ осущилъ освмучъ двъ-три
 И голосъ сталъ такой ужасный,
 Что, Боже, встанъ насъ упаси!

М. (обращаясь къ В.)

Терпѣть я дальше не могу
 Встрѣтъ заносчивыхъ такихъ,
 И какъ ты хочешь, а ладену

(указывая на Гитикарифа)

Ему вытлеваетъ ротъ.

Д. (нередивая; потусерднѣв)

Что ты драгива будешь втомъ?
Среди толпы столыкииъ людей?
Нотъ, вѣсч, калсесъ, подлганъ
Твѣя на свѣтъ нѣтъ урѣ болѣ!

(послѣ паузы, смѣленно)

Ты урѣ огенъ горячишвиъ,
А немнолко поутимвиъ
Да и состри на ея сретъ,
А есмъ онъ андѣ колбнѣтъ,
Тогда какъ хочешь поступай,
И лоѣ уѣ самъ вонъ ступай!

Гб.

Не уносайте огенъ, господа,
Постойте балъ наместѣ, вѣѣ тогда,
Тѣакъ мы себѣ покажемъ,
Вѣѣ въ танцахъ мы всема смѣлѣмъ.

Мы стили вот самодисциплины
Навырные....

К. (перебивая)

Сего это сморкаются,
Такъ громко Гимназисты,
Что даже слышатся
На нашу честь, аплодисменты...

Д. (поучительно)

Во первых ты сказал не такъ,
Не „аплодисменты“, плодисменты,
А во вторых наши студенты
Читаютъ плохо, плохо такъ,
Что...

М. (срочно возражая)

А, такъ верно оттого и сморкаются
И сморкаются такъ громко....

Д. (перебивая)

Постой, почитай вѣдь „Уставъ“,
И одни студенты только!

(послушать немного про нас)

Ах, съ нетерпениемъ ожидаю
 Я конца чужбѣ и пытке,
 И уже теперь воображаю
 Себя въ масуркѣ... Номъ минута
 На нашихъ съестныхъ оштра
 Отъ Гимназистовъ этихъ дерзкихъ.

Гимназистъ (цѣлуетъ пощечину
 ермачу; съ сарказмомъ)

Ужъ, кажется, что боль мерзкихъ
 Людей на ушахъ свѣтъ нѣтъ!

(обращаясь къ товарищу въ полголоса)

Они вѣдь, шельмы, и не видятъ,
 А не поймутъ за это минута,
 И сами не хотятъ минуть.

А

Когда-бъ скорѣе наступилъ
 Конечъ вечеру сему,
 Я бѣ тогда не доучилъ

Наситятся никому.

(проходит несколько времени, все суета-суета, не дала никаких замечаний. По окончании чтения немого повода, выступая на сцену хоръ, поёт: Боже, Царь храни...; все встает со своих мест)

Д

Слава Богу, наконецъ

Наступаетъ уже конецъ.

Тинашаръ

Ну, а нашъ этотъ проведъ
таки спортивъ погъ конецъ!

(Публика начинаетъ выходить со своихъ местъ. Происходитъ маленькая суета: ступы и расставляются около сцены. — Несколько времени ступы, начинается танцевальный вечеръ.)

Ихъ вокузъ.-

(продолженіе слѣдуетъ)

445

